

АРИНА ТЕПЛОВА

В сиянии Зари
ПЕЧАТЬ ИНДИГО
КНИГА 2

18+

Печать Индиго

Арина Теплова

Печать Индиго. В сиянии Зари

«Автор»

2022

Теплова А.

Печать Индиго. В сиянии Зари / А. Теплова — «Автор»,
2022 — (Печать Индиго)

1718 год. Русское царство. Ведунья Светослава всеми силами старается избегать общества фон Рембера, считая его чудовищем и убийцей, у которого нет сердца. Тёмные жрецы приказывают Кристиану подчинить девушку себе и сломить ее волю. Фон Ремберг, исполняя волю Верховного жреца Ордена иезуитов, предпринимает яростные попытки завладеть девушкой, ибо она должна сыграть важную роль в кровавых кознях, которые замышляют Тёмные.

© Теплова А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Зов ангела	6
Глава I. Наказание	7
Глава II. Непокорная голубка	14
Глава III. Упорхнувшая птица	20
Глава IV. Древняя книга	26
Глава V. Утешительница	32
Глава VI. Задание	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Арина Теплова

Печать Индиго. В сиянии Зари

Мы всегда ищем Любовь. В глазах окружающих, в древних книгах, в своем сердце. Без нее наше существо страдает от душевного одиночества, хотя мы не хотим признаваться себе в этом. Любовь это начало и конец всего, это бескрайняя бездна самопознания и рай душевных наслаждений. Из-за любви мы совершаем добрые, отважные, а порою и великие поступки.

Не верьте тем, кто говорит, что Любовь не вершина всего. Это ложь, обман, ибо Всевышний наградил нас этим Светлым чувством для того, чтобы мы созидали, развивались и творили.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Зов ангела

Любящее сердце стоит больше, чем вся мудрость на свете.

Чарльс Диккенс.

Глава I. Наказание

Слава проскакала галопом почти пять верст прежде чем решила немного сбавить ход лошади. Она чувствовала, что фон Ремберг вполне может отправиться за ней в погоню. Оттого всю дорогу она озиралась по сторонам, но он так и не нагнал ее. Около семи часов девушка направила кобылу в направлении березовой рощи, где ее должен был ждать Гриша. Достигнув нужного места уже спустя полчаса, Слава чуть придержала лошадь, проводя по окружающим деревьям взором, пытаясь рассмотреть сухую фигуру молодого человека.

– Слава, я здесь! – воскликнул Григорий, который при приближении девушки вышел из-за деревьев.

Немедля осадив кобылу, Слава проворно приблизилась к Артемьеву, отметив привязанного неподалеку его белого жеребца. Молодой человек помог ей спешиться и, печально улыбаясь ей, произнес:

– Ты все же приехала. Хотя я не надеялся на это.

– Но как же, Гриша? Я получила твое письмо. Я не могла не приехать, – произнесла девушка. – Расскажи, как ты устроился на новом месте в хозяйственном доме?

– Плохо. Там так сыро, да и шумно. До полуночи кто-то постоянно бродит, а около трех поутру уже встают первые прачки, которые засветло на реку ходят. Я совсем спать там не могу, – несчастно заметил Артемьев.

– Это печально. Знаешь, Гриша, я пыталась поговорить о тебе с фон Рембергом, но он был не в духе, и ничего не захотел слушать.

– Едва твой муж вернулся, все невозможно изменилось. И я чувствую, что более прежнему не будет.

– Ты тоже это почувствовал, Гриша?

– Да, Слава. Мне кажется, фон Ремберг специально отослал меня подальше, преследуя свои тайные цели.

– И мне так кажется.

– Но ему нас не разлучить, – порывисто произнес Гриша. – Мы слишком близки.

– Ты ведь мой единственный друг, Гриша, – согласилась девушка и прижалась к твердой худощавой груди парня. Григорий был выше Славы на полголовы, оттого лицо девушки уткнулось в его щеку. Она обхватила руками его торс и невольно замерла, отчего-то напряженно думая о том, что с возвращением фон Ремберга уже многое изменилось. Однако Гриша понял объятия девушки как-то по своему и уже через несколько мгновений Слава ощутила, как задрожало его упругое молодое тело. Рука Гриши осторожно опустилась на светловолосую голову Славы. Она почувствовала, как он очень мягко отстранил ее лицо от своей щеки. Заглядывая в ее золотистые глаза, молодой человек вдохновенно произнес:

– Слава, я давно хотел поговорить с тобой. Раньше я не решался, но мне кажется, ты должна знать одну вещь...

– О чем же я должна знать?

– Я не знаю, как и сказать о том, – замялся Гриша, смущенно опуская взор, словно подбирая слова. – Ты знаешь, последние несколько лет, это просто живет во мне. Раньше мне казалось, что это лишь родственное чувство, которое я испытываю к тебе. Но в последний год, проведенный подле тебя, я отчетливо понял, что ты очень близка мне и... – он замолчал и пронзительно посмотрел на девушку, желая, чтобы она сама догадалась, о чем он хотел сказать.

– Прости, Гриша, но я ничего не поняла из того что ты сказал, – наивно пролепетала Слава.

– Но как же, разве ты не понимаешь?

– Нет, – замотала она головой.

- Я очень люблю тебя, Слава, – выдохнул он порывисто.
- Я тоже люблю тебя, как родного брата, Гриша, – улыбнулась девушка.
- Нет, ты не поняла, Слава, – нервно выпалил Гриша, выпуская девушку из своих объятий. – Я люблю тебя как девицу, а не как сестру, понимаешь?
- Гриша, что ты такое говоришь? – пролепетала она испуганно, чуть отстраняясь от него.
- Да, уже почти год, как люблю тебя. Помнишь, прошлым летом мы попали в сильную грозу и полдня были вынуждены сидеть в том пустынном овраге, укрывшись от ливня? Именно тогда я понял, что люблю тебя, как свою суженую, так как ты самая прекрасная девушка на белом свете.
- Гриша, не надо так говорить, – сказала Слава и чуть громче уже добавила. – У меня есть муж...
- Ты ведь не любишь его! И он тебя не любит! Я знаю это!
- Возможно, ты и прав. Но нас связывает венчание и... – пролепетала девушка. В момент ее пронзила яростная мысль о том, что Кристиан не так уж безразличен ей теперь.
- Но многие женщины заводят себе возлюбленных по сердцу, если их выдают замуж за постылых мужей.
- Гриша, не надо так говорить. Это ужасно.
- Ты говоришь так оттого, что совсем не любишь меня.
- Я люблю тебя как брата, Гриша.
- А мне не нужна твоя сестринская любовь. Пойми, Слава! – выпалил Артемьев.
- Другой я не могу тебе дать, Гриша.
- И что же, ты будешь лелеять в своем сердце чувства к этому пруссаку?
- Он мой муж. Это мой долг, – ответила тихо Слава, думая про себя, что пока не вернулся Рудольф, она не могла покинуть дом фон Ремберга. Она должна была хотя бы попытаться исправить ошибку, совершенную из-за своей глупой влюбленности и мимолетного порыва. Но этого она не собиралась рассказывать Григорию.
- Ты помнишь, как он обошелся с тобой? Ты ведь сама рассказывала, как он посмеялся над тобой! – попытался образумить ее Артемьев.
- Я зря рассказала тебе об этом, Гриша, – тихо вымолвила девушка.
- Нет не зря, Слава. Я говорю тебе – он недостойн тебя. И ты заблуждаешься, Слава. Пойми, фон Ремберг страшный, опасный человек. Про него ходит столько жутких историй. Он погубит тебя!
- Не надо так говорить.
- Слава, послушай, давай убежим вместе. Например, на юг страны или в восточные земли. Я сделаю все для тебя. Я знаю, что смогу завоевать твое сердце. Прошу тебя, оставь фон Ремберга. Поехали со мной.
- Ты хочешь уехать? – опешила девушка.
- Да. Как только он вернулся, я не могу видеть вас вместе. Это терзает мое сердце.
- Но как же наша мастерская? Я не справлюсь одна.
- Нынче твой муж занимается всем. Именно это он мне сказал. Тем более твоему пруссаку все равно не нравится, как я веду дела. Если бы ты слышала, что он мне наговорил в прошлый раз в своем кабинете. Очень несправедливые вещи. Я тогда едва сдержался и не уехал сразу только из-за тебя. Мое сердце горит любовью к тебе. Я прошу тебя, Слава, уедем со мной. Ты же помнишь, как мы всегда хорошо понимали друг друга.
- Нет, Гриша. Если хочешь, поезжай. Но мой долг остаться подле фон Ремберга. Моя матушка всегда была верна своим мужьям, и я считаю, что это правильно. Прости, – тихо сказала Слава, придумав в своей голове правдоподобное объяснение.
- Слава понимала, что венчана с фон Рембергом и оттого не могла искать любовь с другим мужчиной. К тому же ей надо было найти древний камень, разыскав того ростовщика. Она

надеялась предложить в обмен на камень ростовщику сделку. Она могла просветить здоровье ростовщика и его родных, предложить излечить его или его близких от всех болезней навсегда. И она знала, что сможет это сделать. Возможно, часть денег в уплату за бесценный древний оберег она могла выручить за счет ткацкой мастерской, дела в которой теперь шли в гору. И Слава в эту пору надеялась на удачный поиск камня. Девушка уже решила, что как только алмаз будет в ее руках, она отправится в далекий Архангельск, как и завещала ей мать. Она разыщет ведуна Лучезара и отдаст ему священного Владыку. Возможно, ведун даже позволит ей жить у него и она сможет учиться всем древним наукам у мудрого Лучезара, как и завещала ей ее матушка. Но сейчас, без старинного самоцвета она не могла отправиться в Архангельск, и в настоящее время цель девушки была одна – вернуть алмазный камень.

– Простить? Это невыносимо! – возопил Григорий и отпрянул от девушки. – Я понял! Ты совсем не хочешь любить меня, потому что вернулся он! И я чувствую, пока он стоит между нами, твое сердце будет закрыто от меня!

– Наверное, тебе и правда лучше уехать, Гриша, – пролепетала девушка уже не в силах вынести еще и приступ ревности молодого человека. Она привыкла видеть в Грише близкого друга и брата, а никак не ревнивого возлюбленного, который словно предъявлял ей что-то.

Более Артемьев ничего не сказал, а бросив отчаянный взгляд на Славу, развернулся и почти бегом устремился к своему жеребцу. Уже через пару мгновений, он ускакал прочь, оставив девушку в печальных неприятных думах.

После стремительного отъезда Григория, Слава, тяжело вздыхая, спустилась к реке и укрылась вместе с лошастью под высокими берегами. Она присела на прохладный камень и долго сидела так, размышляя о своей жизни.

Признания Гриши вызвали в ее душе неистовую бурю. Она не могла любить его как суженого, и отчетливо это осознавала, так как всегда воспринимала молодого человека как своего брата. Но все же любовные признания теперь затронули ее сердце. Несчастно вздыхая, Слава думала о том, что не ответив на чувства Гриши, она лишилась своего единственного друга, который с детства был подле нее. И в этой печальной ситуации она винила фон Ремберга. Ведь как раз он, после своего полугодового отсутствия, неожиданно появившись, был виновен в ее размолвке с Гришей. Фон Ремберг совершенно не захотел понять, как все это время Артемьев поддерживал ее, помогал во всем и вообще скрашивал ее унылое существование в усадьбе. Напряженные думы о Кристиане вновь завладели ее сердцем и Слава, печально вздыхая, пыталась разобраться в своем теперешнем положении. Она не понимала, отчего вернувшись, фон Ремберг прямо преследовал ее своим обществом, когда как раньше, полгода назад почти не обращал на нее внимания и как будто отбывал в ее обществе положенные два часа в день.

Да, в глубине души она возможно и жаждала внимания Кристиана, но сейчас она боялась вновь довериться ему. Ибо помнила, как жестоко он обманул ее, посмеявшись над ее любовью. К тому же хитростью и обманом он вынудил ее подарить ему древний алмаз, и она, как глупая влюбленная дурочка, забылась. Сейчас камень был потерян... Еще зимой Слава наняла людей, которые пытались выяснить, кому мог продать камень фон Ремберг. Но узнать ничего не удалось. У нее оставалась лишь одна надежда – дожидаться возвращения Рудольфа, который мог указать ростовщика, которому фон Ремберг продал камень.

Чем дольше девушка размышляла над всей ситуацией, тем настойчивее в ее голове становилась мысль возвратиться в поместье как можно позже, потому что встречаться вновь с мужем совершенно не хотелось. Он наверняка был зол на нее, если не сказать больше, ведь она посмела ослушаться его. Но было некое обстоятельство, которое нервной думой сидело в голове девушки. Сегодня были именины ее подруги Любаши.

Семен и Любаша Артемьевы вернулись в Петербург еще два месяца назад. После непродолжительной и не очень успешной службы в Париже, Семен был вынужден возвратиться на родину. Будучи уже довольно известным вельможей, Артемьев выхлопотал себе небольшую

должность при дворе царя Петра Алексеевича, и нынче занимался устройением различных богоугодных заведений. Сегодня Артемьевы устраивали грандиозный прием в своем особняке, и еще неделю назад Любаша просила Славу приехать к ним в дом в пять часов пополудни, чтобы помочь принять многочисленных гостей. Но в эту пору, по вине этого невозможного фон Ремберга, Слава уныло сидела у реки в мужском костюме для верховой езды и совершенно не знала, как ей поступить. Она должна была немедленно возвращаться в усадьбу, чтобы переодеться и немного отдохнуть, а затем привести себя в порядок и около четырех часов отправиться в карете в сторону парадной части Петербурга, где находился особняк Артемьевых.

Отметив по солнцу, что полдень уже близок, Слава вновь взобралась на кобылу, решив возвращаться в поместье. Если бы она могла сразу же поехать в дом Семена, она бы так и сделала, но это было невозможно. Ибо в этот миг она была в дорожной пыли, с распустившейся косой и в мужском платье. И Слава не могла появиться так не только на приеме у Любашы, но даже в городе. Это крайне неприлично для женщины ее положения. Посему оставался единственный путь – возвратиться домой и попытаться незамеченной проникнуть в свою спальню. Затем быстро переодеться, и так же украдкой уехать из дому, чтобы успеть хотя бы к пяти часам прибыть в дом Семена.

Войдя в особняк, Слава опасливо осмотрелась вокруг. Слуги занимались обычными делами. Фон Ремберга не было видно. Почти бегом девушка, перепрыгивая через две ступеньки, поднялась на второй этаж и вихрем пронеслась по коридору. Достигнув двери своей спальни, она проворно влетела в комнату, закрыла за собой дверь и повернула ключ в замке. Устало прислонившись к двери, она убрала распущенные волосы с лица и облегченно выдохнула.

Медленно подойдя к зеркалу, Слава взяла в руку расческу, намереваясь расчесать спутанные локоны. Волосы, собранные утром в косу-корону на голове, от резвой скачки лежали свободными прядями на ее плечах. Она невольно обратила свой взор на зеркало, размышляя, какое платье надеть на сегодняшний прием к Любаше. Ее рука с мягкой щеткой прошла знакомым движением по волосам и она устало вздохнула, глядя на свое отражение в зеркале.

– Придется вновь что-то делать с волосами, – произнесла она сама себе.

И вдруг девушка замерла. За спиной в зеркале она увидела силуэт, который заставил девушку похолодеть.

– Вижу, сударыня, вы чудесно покатались, – раздался за спиной грубый баритон фон Ремберга.

Выронив расческу из рук, Слава резко развернулась и оперлась бедрами о туалетный столик. Испуг вмиг завладел девушкой и она напряглась. Кристиан стоял около ее кровати в нескольких шагах от нее. Его мрачное лицо не предвещало ничего хорошего. Она не понимала отчего не заметила мужа, когда вошла в спальню, но теперь он был до того реален, что она невольно задрожала от неприятного озноба.

– Как вы здесь оказались? – еле выдохнула Слава, сильнее вжавшись руками и ягодицами в столешницу.

– Разве вы забыли, что это мой дом? И я могу находиться где угодно и когда угодно, – произнес глухо, сделав шаг к ней.

Голос его был на удивление спокойным и приглушенным, но Слава сразу же определила по его испепеляющему взору и бледному лицу, как он взбешен.

Кристиан вновь несколько раз прошелся взглядом по ее соблазнительной фигурке и распущенным волосам. Эти разбросанные по плечам золотистые пряди невероятно прелестно обрамляли ее нежное лицо. Воображение фон Ремберга тут же нарисовало Славу героиней некой сказки про русалку или лесную нимфу, невозможно прекрасную и страстно непокорную. В следующий миг молодой человек отчетливо ощутил, как яростная злость в его существе

сменяется неистовым вождением к этой юной чаровнице, находящейся от него всего в трех шагах, манящий сладкий аромат которой он ощущал в сию минуту.

– Вы сами отдадите мне этот наряд? – глухо выдохнул он, не в силах отвести проницательного взора от изящных округлых совершенных линий ее бедер.

– Нет...

Слава отрицательно замотала головой. И фон Ремберг дотоле напряженный облегченно выдохнул. Как же он хотел получить от нее отрицательный ответ. Он надеялся на него и ставил на ее упорство. И теперь он был благодарен Славе за то, что она позволила ему прикоснуться к себе.

– Тогда мне придется забрать его силой... – произнес он хриплым голосом.

Его глаза дико загорелись темным пламенем и он, быстро преодолев расстояние до девушки, приблизился к ней вплотную. Прежде чем Слава успела что-либо осознать, фон Ремберг схватил ее в капкан своих рук и дернул ворот ее камзола. Девушка вскрикнула и попыталась вырваться из железных объятий, но Кристиан стремительными движениями стащил с нее камзол. Через несколько мгновений, он яростными рывками разорвал ее батистовую рубашку, полностью обнажив грудь и руки девушки. Взору молодого человека открылось прелестное зрелище: тонкая прозрачная рубашка на тонких бретельках, почти полностью обнажающая полные прелестные полушария груди девушки. От великолепной картины, которая предстала перед его глазами, Кристиан замер и почувствовал, что весь яростный запал, все наказания, которые он придумал для нее в своей голове, мгновенно испарились. В его существе в этот миг осталось лишь одно чувство – восхищение ее прелестями.

– Пустите! – выпалила Слава, едва опомнившись.

Она попыталась вырваться из его жестких рук. Но Кристиан проигнорировал ее попытку выскользнуть и сильнее прижал девушку к себе. Слава начала вырываться уже более яростно, но ее сопротивление вызвало в молодом человеке еще больший азарт. Неистовое плотское желание накрыло фон Ремберга с головой, и он ощутил почти болезненную потребность прикоснуться к ее упругим формам. Он сильнее притиснул девушку к себе и его горячие губы, наконец, смогли окунуться в шелковое облако ее волос. Уже через несколько мгновений правая рука молодого человека чуть приподняла девушку за талию, а его губы переместились уже на ее лоб.

Слава, ошарашенная его действиями и бесстыдным поведением, стала вся пунцовая. Она пыталась высвободиться и полузадушенная хрипела, прося фон Ремберга отпустить ее. Но он совсем не слышал ее. Его руки сильнее сжали ее стан, приподнимая над полом, а его рот добрался до пухлых губ девушки и силой овладел ими. Его руки с неистовством прижимали тонкий стан Славы к своей груди, невольно лаская ладонями ее выпуклости, оказавшиеся под его пальцами. Жесткие горячие губы молодого человека начали терзать ее рот, то и дело, прикусывая губки девушки зубами. Сильные неистовые ласки его рук и губ заполонили все сознание Славы, вызывая у нее приступ удушья от его напора. Она не могла свободно дышать от его натиска и из последних сил извивалась в руках молодого человека. У нее не хватало сил бороться с ним.

Кристиан не собирался отпускать ее. Свежий притягательный запах ее тела, ее упругие прелести и сладкие наливные губы окончательно распалили его. Его действия перестали подчиняться разуму. В следующий миг его сильные руки легко подняли девушку еще выше, а ладони захватили в плен ее ягодицы. Лицо фон Ремберга вмиг оказалось на уровне полуобнаженной груди Славы. Окончательно потеряв голову, он впился губами в прозрачную ткань легкой рубашечки. Девушка дико закричала, когда молодой человек зубами разорвал ткань на ее груди. Жадный рот Кристиана начал яростно исследовать ее нежные обнаженные выпуклости. Он слышал крики Славы и чувствовал, как она впиалась ногтями в кожу его головы, но ему было все равно, ибо его тело сжигало неудержимое вождение.

Это был какой-то кошмар. Слава не знала как высвободиться из железных тисков его рук и насилующих губ, которые терзали ее грудь и плечи. Она визжала, царапалась и билась как пойманная птица. Но ничего не могло помочь ей. Неожиданно Кристиан сделал несколько шагов с нею на руках и опрокинул ее на кровать. Оказавшись на мягких подушках, девушка инстинктивно попыталась прикрыть обнаженную грудь руками, но не успела, так как фон Ремберг тут же притиснул свои горячие губы к ее губам, сжав в своих руках ее податливые нежные плечи.

Поцелуй фон Ремберга не был нежным, он был жестким и дерзким, словно наказание за ее вызывающее поведение и неподчинение. Через несколько мгновений его поцелуй стал более интимным и ласковым, а его руки уже осторожно прижимали нежное тело девушки к своей груди. Ее сладкие полные губы, пахнущие дикой малиной, хотелось целовать еще и еще, и молодой человек ощутил, что это действие ему не просто приятно, а нравится невероятно.

В эти мгновения его разум будто включился и беспокойно заработал. Он пришел в себя. Фон Ремберг почти заставил себя оторваться от притягательных сладостных губ Славы. Быстро отпустив ее плечи, уронив девушку на кровать, Кристиан стремительно выпрямился. Он стоял над ней, возвышаясь, словно гора, опираясь одним коленом в кровать. Его темный фиолетовый взгляд горел диким пламенем. Он видел, как Слава испуганно вжалась в подушки, ожидая от него нового нападения, испуганно глядя на него и скрестив тонкие руки на обнаженной груди. А он как изваяние замер над ней в угрожающей позе, вклинившись яростным взором в ее ошарашенные озера золотых глаз.

В этот миг молодого человека накрыло странное видение:

Как будто над ним склоняется русоволосая женщина, очень красивая, с темно-зелеными ласковыми глазами. Она улыбается ему и ее заботливые руки прижимают его к себе. Он еще совсем маленький мальчик лет двух и он отчетливо знает, что эта женщина любит его. Маленький Кристиан улыбнулся женщине и подумал, что так, наверное, должна выглядеть его матушка. Женщина взяла его на руки и поднесла к распахнутому окну. Она что-то долго говорила ему мелодичным голосом и указывала вдаль. Мальчик видел высокие деревянные строения с высокими теремами, людей, одетых в странные одеяния на русский манер, высокий частокол, некоего северного града, за которым простирались бескрайние поля покрытые снегом, а за ними древние лесные чащи...

Лишь на несколько мгновений это видение заполонило сознание Кристиана. В какой-то миг он резко пришел в себя, непроизвольно помотав головой. Отметив, как Слава смотрит на него диким и испуганным взором, молодой человек тут же вспомнил кто он. Кристиан напрягся всем телом. Он осознал, что ведет себя глупо, и наверняка девушка уже думает о нем невесть что. Ибо фон Ремберг вовсе не собрался показывать ей не просто своего интереса, но и простого заинтересованного взгляда. Кристиан хотел просто наказать ее, не более того, а вышла эта страстная непристойная сцена с поцелуями до того упоительными и пьянящими, что молодой человек не сразу смог остановить себя. Но это интимное опасное действие совсем не входило в его планы, не говоря уж о крайне глупых поцелуях, которые нельзя было допускать.

Отметив, как девушка, скрестив тонкие ручки на груди, пытается прикрыть свои обнаженные упругие прелести от его жадного взора, фон Ремберг мрачно нахмурился. Он понял, кто был виноват в этой любовной вакханалии. Именно эта коварная девица затуманила ему своими прелестями голову настолько, что он, как глупый гусак уволок ее на кровать для интимных поцелуев, словно они были некими возлюбленными.

– Поздно прятать свои прелести, сударыня, – процедил Кристиан недовольно. – Я все прекрасно видел. Вы ведь специально решили соблазнить меня? Вы думали, что я, позарившись на ваши нежные упругости, буду плясать под вашу дудку? Так вот, вы ошибаетесь! Ваша пьеса из дешевого балагана мне совершенно безразлична! Ясно вам?

– Но вы же сами! Вы... – Слава задыхнулась от его бьющих несправедливых слов, пытаясь высказать этому наглецу всю правду. Не иначе как он сам задумал это жутковато-развратное раздевание. А сейчас во всем обвинял ее?

Невольно взор фон Ремберга упал на покрасневшие от его поцелуев губы девушки. Ее рассыпавшиеся волосы блестели в солнечных лучах, которые освещали спальню, а ее глаза горели янтарным огнем. Кристиана вдруг накрыла мысль о том, что было бы если бы он действительно имел право прикасаться к ней, как законный супруг? Эта мысль привела молодого человека в очередное замешательство. Он осознал, что надо немедленно покинуть ее спальню пока он не наделал еще глупостей. Он напрягся и стремительно соскочил с постели. Вытянувшись в угрожающей позе у кровати, фон Ремберг низким грудным голосом выдохнул:

– Я ваш муж, сударыня, и требую, чтобы вы не забывали об этом. Надеюсь, я более не увижу вас в этом вызывающем наряде. В противном случае мне придется раздеть вас донага, – добавил он многозначительно и, резко развернувшись, стремительно покинул ее спальню.

Глава II. Непокорная голубка

Оставшись одна, Слава медленно села на кровати, пребывая в ошарашенном нервном состоянии. Она не могла понять, что сейчас произошло. Она не помнила, чтобы раньше фон Ремберг вел себя подобным образом. Полгода назад он даже намека не делал на интимную близость между ними. И лишь тот единственный почти невинный поцелуй, когда она утешала его боли, являлся едва заметным намеком на некие интимные желания. Но сейчас поведение молодого человека было не просто вызывающим, оно было невозможно дерзким, страстным и до крайности вульгарным. Она не понимала мотивов Кристиана, ведь он совсем не любил ее. И она знала об этом.

Невольно осматривая обрывки своей короткой рубашечки, Слава медленно слезла с кровати. В ее голове крутилась единственная мысль – отныне держаться от своего мужа на расстоянии. Конечно, это будет далеко непростым делом. Она проворно стянула с тела порванную тонкую вещь, небрежно кинув ее к порванной рубашке, лежащей на полу. Все еще немного ошарашенная, Слава медленно приблизилась к банкетке и, взяв пеньюар, накинула на плечи. В этот миг в спальню осторожно постучались. Вошла Ульяна. Увидев на полу разбросанные порванные вещи, горничная подняла обрывки рубашки и камзола и их осмотрела.

– Что-то случилось, барыня? – почтительно поинтересовалась Уля.

– Ульяна, выброси эти вещи. Я думаю их нельзя теперь носить, – вздохнув, сказала девушка. Слава проворно стянула с ног сапоги, а затем и кюлоты со стройных бедер и, протянув их горничной, добавила. – А эти приведи в порядок.

– Слушаюсь, – ответила Ульяна.

Слава запахла на обнаженной груди пеньюар и велела:

– Ступай, милая. Воротишься через пару часов. Поможешь мне собраться на торжество к госпоже Артемьевой.

Ульяна понятиливо кивнула и, забрав все вещи, обещала вернуться около половины третьего пополудни. После ухода горничной, Слава устало села на кровать, чувствуя, как все ее мышцы ломит от напряжения. Да, у нее была закалка для длительных поездок верхом, но еще никогда она не проводила в седле более двух часов к ряду, и оттого чувствовала себя разбитой. Как раз этот несносный человек, ее муж, был виноват в ее теперешнем состоянии, именно из-за боязни вернуться домой она таскалась верхом по всем окрестностям до самого обеда.

Прикрыв усталые веки, Слава прилегла на подушки и решила немного вздремнуть. Но сразу же перед ее закрытыми глазами появилось лицо фон Ремберга. Темно-фиолетовые, немного дикие глаза Кристиана, жгли ее своим пламенем, как и тогда, когда он насильно целовал ее на кровати. Девушка вмиг ощутила жар в тех местах, где он прикасался к ней, будто до сих пор его сильные руки сжимали ее в неистовых объятьях. Она распахнула глаза и недовольно помотала головой, пытаясь отделаться неприятных воспоминаний. Прикрыв глаза, она снова попыталась задремать. На этот раз образ мужа стал более туманным и вскоре исчез. Она уснула.

Ее разбудил осторожный стук в дверь. Вырванная из мимолетного сна, Слава приподнялась на руках, окинув взором каминные часы. Было около двух часов дня.

– Барыня, это снова я, простите, – послышался осторожный голос Ульяны, которая заглянула в комнату.

– Еще рано, Уля, – недовольно ответила Слава и сонно плюхнулась на подушку, вновь прикрыв веки. – Я велела тебе прийти позже.

– Я знаю о том, Светослава Романовна, – не унималась горничная, оставшись стоять у двери. – Но ваш муж, господин фон Ремберг, требует, чтобы вы спустились к обеденной трапезе. Он уже как две четверти часа ожидает вас в парадной столовой.

Слава резко открыла глаза и напряглась.

– Сколько можно! Неужели он не может оставить меня в покое даже на час! – пробубнила себе под нос Слава и, настойчиво посмотрев на горничную, велела. – Скажи господину фон Рембергу, что я не спущусь к обеду. Пусть трапезничает без меня.

– Но, Светослава Романовна, как же я скажу ему? – неуверенно начала Ульяна.

– Ступай, Ульяна, так и передай ему. Иди!

Слава указала взором на дверь. Ульяна, озабоченно вздыхая, поплелась прочь.

Вновь устало упав на подушки, Слава попыталась задремать. Но неожиданно в ее голову пришла мысль, которая мгновенно подняла ее на ноги. Девушка босиком подбежала к двери и заперла дверь на замок, облегченно вздохнув. Она задвинула еще деревянный небольшой засов и лишь после этого со спокойным сердцем улеглась в кровать. Естественно заснуть ей более не удалось.

В две четверти третьего пришла Ульяна, принесла с собой немного холодного мяса и соленых огурцов с хлебом. Горничная проворно накрутила густые волосы девушки, чуть обрызганные сладкой водой на папиюльки, и усадила Славу ближе к затопленному камину, чтобы волосы быстрее высохли. В следующие полчаса Слава с удовольствием перекусила, а спустя час горничная начала помогать ей облачаться в прелестный шелковый наряд светло-медового цвета, отороченный тонкими кружевами. Около пяти часов горничная соорудила на голове Славы изысканную прическу с крупными локонами, закрепленными в виде бутонов роз на макушке, и спускающиеся на полуобнаженные плечи девушки. Довольная произведением Ульяны, Слава произнесла:

– Как восхитительно получилось у тебя, Уля. Мне очень нравится.

– Благодарствую, барыня, – закивала довольно служанка.

– А мой экипаж?

Ульяна проворно подошла к открытому окну и, выглянув наружу, сказала:

– Он готов, Светослава Романовна. Макар рябой уже на козлах.

– Вот и хорошо. Надеюсь, я успею хотя бы к шести, и Любаша не расстроится. Поддай мой плащ, милая.

Горничная понятиливо кивнула и, осторожно подхватив светлый плащ, накинула Славе на плечи воздушную материю с капюшоном. Умело завязав ленты плаща на шее, Слава поднялась с бархатного пуфика. Взяв маленькую сумочку, в которой лежал подарок для подруги, она последний раз оглядела свое отражение в зеркале и направилась к выходу. Когда она открыла дверь, едва не вскрикнула от неожиданности. У дверей стоял фон Ремберг. Неизменный в своем темном одеянии, только без украшений и драгоценных пуговиц, он являл собой недвижимое изваяние во мраке коридора. Его бледное лицо и колющий взор не предвещали ничего хорошего.

– И куда это вы собрались, сударыня? – тихо напряженно осведомился он. Слава чуть отступила назад обратно в спальню и молодой человек вошел. Каблуки его высоких ботфорт эхом отчеканили шаги по паркетному полу. Знаком головы, приказав Ульяне выйти, Кристиан окинул взглядом Славу в изящном кокетливом медовом платье и чуть распахнутом легком полупрозрачном плаще. Его глаза, как и утром, описали несколько кругов по ее фигурке и остановились на губах девушки. Дождавшись пока горничная выйдет, молодой человек, лишь после того как за Ульяной закрылась дверь, снова повторил вопрос. – Так куда вы едите?

Слава моргнула несколько раз, и еле сдерживаясь, прямо посмотрела на него:

– Сегодня у Любаши Артемьевой именины. Она моя подруга. Я обещала быть у нее на ассамблее.

Кристиан немного помолчал, а затем властно заявил:

– В данный час мне надо отъехать по делам. К семи я вернусь и смогу сопровождать вас к Артемьевым. Вам придется немного подождать.

– Я поеду одна, – перебила его нервно Слава, начиная закипать. – Поезжайте куда вам надобно, сударь. Я не нуждаюсь в вашем сопровождении.

Кристиан прищурился и жестко заявил:

– Молодая дама не имеет права выезжать одна, без сопровождения, и вы прекрасно об этом знаете. Или вы специально решили вызвать досужие сплетни?

– Вы же сами услали Гришу невесту куда! Он всегда был при мне и сопровождал везде.

После ее фразы брови молодого человека сошлись к переносице, а его взор стал страшен. Слава ощутила, что имя Гриши произвело эффект разорвавшегося ядра, и когда фон Ремберг начал надвигаться на нее медленным тяжелым шагом, испепеляя ее свинцовым взором, она невольно попятилась назад.

– Артемьев более не будет никуда сопровождать вас, сударыня, – процедил он словно приговор. – Потому что этот мальчишка с сегодняшнего дня уволен со службы, вам ясно?

– Что ж, воля ваша, сударь, – выпалила Слава порывисто, поняв, что зря заикнулась теперь о Грише и тем самым еще сильнее распалила недовольство фон Ремберга. – Но Любаша ждет меня к пяти. И мне надобно ехать немедленно...

– Одна вы никуда не поедете, – угрожающе вымолвил молодой человек.

– Поеду! – непокорно заявила Слава и, сорвавшись с места, попыталась стремительно обойти высокую фигуру мужа и выйти из спальни.

Ей почти удалось сделать это и девушка, уже достигнув двери, на мгновение решила, что вновь выиграла этот спор. Но неожиданно какая-то сила подняла ее над полом. Кристиан уже в который раз за сегодня взбешенный ее непокорством, схватил Славу в охапку и, легко приподняв над полом, потащил прочь из спальни. Быстро опомнившись, девушка начала брыкаться, пытаясь вырваться из его сильных рук.

– Я предлагал вам верный путь благочестивой жены, но вы отказались. Теперь пеняйте на себя! – процедил он, закинув Славу к себе на плечо, как куклу и твердым шагом следуя по коридору.

Очувтившись в своей мрачной спальне с деревянными панелями, фон Ремберг кинул девушку на кровать и быстро направился к окну. Умелым движением, закрыв на ключ ставни окон, он повернулся к Славе. Она была уже у двери, но молодой человек в два прыжка настиг ее и, вновь схватив в капкан жестких рук, потащил к постели. Кинув Славу на кровать словно мешок, он наклонился над ней. В следующий миг, Слава вскрикнула от неожиданности, ибо тремя резкими движениями Кристиан порвал на ней юбку и лиф платья.

– А это чтобы вы даже не думали о том, что можете попасть на ассамблею! – прочеканил он.

Слава видела, что его взор холоден и жесток. Его лицо было бесстрастным с мрачно горящими глазами. Еще несколькими яростными движениями он уничтожил великолепную прическу, которую придумала Ульяна. Густые волосы в беспорядке рассыпались по плечам.

– Что вы себе позволяете?! – взорвалась Слава, которой, наконец, удалось сесть на постели.

Фон Ремберг резко отстранился от нее, выпрямился, довольный произведенным беспорядком в ее облике. Через порванный лиф, была видна обнаженная полная упругая грудь девушки. Рукав платья болтался сбоку, а нижние юбки, порванные сильным движением, открывали его взору ее стройные изящные ножки в белых чулках и тряпичных туфельках. На волосах Славы, рассыпанных золотым покрывалом, еще держались некоторые цветы, украшая ее пряди.

– Вы, наверное, позабыли, что я ваш муж и ваш господин, – процедил фон Ремберг. – Посему оставляю вас здесь, подумать над своим поведением. Я наказываю вас, Светослава. Думаю, пара тройка часов под замком пойдут вам на пользу. Это следовало сделать уже давно...

Слава пыталась отдышаться от его дикой выходки и прикрыть свою обнаженную грудь руками, поджав губы от охватившей обиды. Она упорно испепеляла его непокорным нервным взглядом, но все же не дерзала слезать с его кровати, опасаясь нового нападения.

– Если вы думаете, что меня можно запереть, словно собаку, вы ошибаетесь! – выпалила она порывисто, дрожащими губами, пытаясь сдержаться, чтобы не заплакать от обиды.

Невольно замерев от ее слов, фон Ремберг напрягся, размышляя, как еще запугать эту гуттаперчевую девицу, чтобы она даже не помышляла спорить с ним впредь. Ведь ему уже до крайности надоело ее непокорство и то, что она постоянно пыталась избежать его общества, будь то верховая прогулка или бал.

В следующий миг молодой человек поймал себя на том, что как глупый юнец пытается рассмотреть ее обнаженные прелести более тщательнее. А его мысли вихрем закружились в странном хороводе, отмечая, что эта наглая девица невозможно хороша в эту минуту и наверняка могла бы соблазнить своими прелестями любого. Стремительно плотские желания завладели его сознанием, и Кристиан напрягся, внушая себе, что он непростой смертный. Его не может соблазнить какая-то там юная девица, хотя и невероятно смазливая. Нет, он не позволит, как утром околдовать его. Он не желает ее как женщину. Именно это начал внушать себе молодой человек, пока его лихорадочный взгляд метался по обнаженным прелестям девушки, которая безрезультатно пыталась прикрыться от него обрывками платья. Уже через секунду Слава проворно дернула покрывало на его кровати и, наконец, ей удалось скрыть свои обнаженные ноги и грудь от его жадного горящего взора. Только после этого хаотичные сладострастные мысли Кристиана остановились и его разум взял верх над его существом. Фон Ремберг осознал, что ему надо немедленно идти. Иначе он опоздает к Верховному, к которому он должен был отправиться еще полчаса назад. Но из-за этой девицы он был вынужден опять вести себя до крайности глупо, и устраивать всю эту трагикомедию.

– Мне надобно ехать. Но когда я вернусь, мы с вами обстоятельно поговорим обо всем... – глухо вымолвил Кристиан. Уже через миг он покинул свою спальню, заперев дверь на ключ.

Стремительно соскочив с кровати, Слава бросилась сначала к двери, а затем к окнам. Они были заперты и не поддавались. Оглядевшись, девушка отметила единственный подсвечник с тремя свечами, который тусклым светом озарял все пространство спальни фон Ремберга. Приблизившись к напольному зеркалу, стоявшему в углу просторной комнаты, Слава посмотрела на свое отражение и вскрикнула от ужаса. Некогда прекрасное платье представляло собой медовые обрывки ткани. И естественно никуда более не годилось. Бросив взгляд на волосы, девушка закрыла лицо руками. Она осела на пол и заплакала.

– Любаша будет меня ждать, а я здесь под замком, – сокрушалась Слава, сидя на деревянном резном паркете. – Как он может так со мной обращаться? Он просто варвар. Но ему не удастся держать меня, словно глупую гусыню в своей спальне!

Она вскочила на ноги и стянула вместе оборванные куски ткани, прикрыв обнаженную грудь. Обрывки юбки она заправила в фижмы, дабы они не волочились по полу. Слава осмотрелась более внимательно. Мрачная спальня Кристиана цвета черного дерева и палевого оттенка, без украшений, строгая и простая, напоминала, скорее монашескую келью. В ней не было ничего лишнего: посередине стояла кровать, без балдахина, у дверей располагался высокий резной шкаф из темного дерева, стол для письма занимал место у окна, небольшой комод с зеркалом, на котором возвышался набор для умывания, находился у напольного зеркала. Убранство комнаты мужа навеяло на девушку чувства безысходности и смертельного покоя. Как будто это была спальня не молодого богатого дворянина, а затворника, который отрешился от всего земного.

Слава напряженно размышляла, что же ей делать. Все было заперто – дверь на ключ, а окна закрывали ставни. И она решила попытаться действовать через слуг. Подбежав к запертой

мощной двери, она начала стучать и кричать. Но за дверью не было слышно ни звука. Слава не понимала, отчего никто не отзывается на ее крики.

Спустя четверть часа девушка поняла, что никто не придет ей на помощь. Наверняка ее «драгоценный» муж запретил приближаться к его спальне, и сейчас вся дворня, скорее всего, боится даже подумать о том, чтобы помочь своей хозяйке. Девушка отошла от двери и начала осмотр комнаты более тщательно. Ее поиски увенчались успехом, она нашла небольшой нож для бумаги, который лежал на письменном столе. Она немедленно бросилась к двери и попыталась выпилить замок. Но он был железным и мощным, выпилить его небольшим ножом было невозможно.

Девушка устало облокотилась на дверь, снова едва не заплакав. Ее взгляд вдруг остановился на закрытых окнах. Она вмиг взвилась и подбежала к окну. Она распахнула окна и осмотрела запертые ставни. Замки на них были облегченными, и спустя четверть часа ей удалось выпилить деревянный язык замка и открыть запертые ставни. Когда первоначальная радость улеглась, Слава распахнула пошире ставни и выглянула наружу. И тут поняла, отчего на окнах были столь легкие замки.

Спальня Кристиана выходила на внутренний двор, и была не на втором, как все остальные спальни, а скорее на третьем этаже. Так как внизу под окнами был вырыт большой ров, без воды. Ранее она видела это странное углубление, но особо не придавала ему значения. Ибо садовник ей объяснил, что господин Кристиан намеревался сделать там небольшой пруд. Теперь Слава поняла, что ей не выбраться. Со второго этажа можно было попробовать спрыгнуть или перелезть на дерево. Но высота окон фон Ремберга была намного больше, чем рассчитывала девушка. Она быстро метнулась к кровати и дернула тяжелое покрывало. Каково же было ее удивление, когда она увидела на постели молодого человека лишь одну простыню. Ни одеяла, ни подушки не было видно. И одной простыни явно не хватило бы для того, чтобы сделать нечто напоминающее веревку для спуска. Она подумала о рубашках молодого человека, которые также можно было использовать, но тут же отказалась от этой затеи, потому что одежда стоила очень дорого.

Отчаявшись, Слава вновь приблизилась к окну, пытаясь немного успокоиться. Она выглянула на улицу, ища глазами хоть кого-нибудь из обитателей усадьбы. По близости никого не было. Эта сторона дома выходила окнами в сад и здесь редко ходили слуги. Слезы опять навернулись на глаза, она с горечью осознала, что все труды были напрасны. Видимо придется ждать возвращения фон Ремберга, чтобы выбраться из этой мрачной спальни. И к Любаше на именины она уже действительно не попадет сегодня.

Так она размышляла недолго, ее глаза заметили кое что интересное. Под окном, наверное, в метре ниже подоконника по наружной стене проходил карниз. Этот небольшой выступ-украшение, всего в половину человеческой ступни, опоясывал дом и тянулся вдоль окон. Слава сильнее высунулась из окна и проследила за тем, где кончалась эта каменная панель. Через пять окон, виднелся балкон, и именно до него вела эта «дорога». Присмотревшись внимательнее, Слава поняла, что это балкон восточной гостевой спальни. В ее голове сразу же сложился план. Пройти по этому тонкому выступу до балкона, а затем проникнуть в гостевую спальню.

Однако карниз был довольно узкий и девушка поняла, что будет не так просто перебраться по нему. Возможно, она даже не удержится и упадет. И тогда... О том, что произойдет тогда, Слава старалась не думать. Она начала быстро стаскивать с себя порванное платье, нижние юбки, корсет, фижмы и туфли. Все эти вещи, по ее мнению, могли помешать ей маневрировать на узкой дорожке. Оставшись в одних легких чулках и нижней рубашке, доходившей до икр, она взобралась на подоконник и спустила ноги вниз. Очень осторожно Слава развернулась лицом к входной двери и повисла на животе на подоконнике, пытаясь достать кончиками пальцев ног каменный выступ, но у нее ничего не получилось. Бросив напряженный взгляд вниз, она отметила, что выступ чуть ниже. Она потянулась всем телом ниже и едва не сорва-

лась. Руки уже не могли удержать ее, и она начала скатываться вниз. В этот момент, ее правая нога нащупала каменный выступ. Мгновенно встав на спасительный парапёт обоими ногами на цыпочках, девушка вновь посмотрела вниз.

Высота произвела на Славу удручающее впечатление, ей стало не по себе. Из окна все казалось гораздо безопаснее. Девушка осторожно поставила боком обе ноги и, цепляясь пальцами за неровные выступы камней, обрамляющие особняк снаружи, прижавшись к дому всем телом, начала путь. Ширина каменного парапета была немного более ширины ее узкой ступни. Через шесть шажков она добралась до следующего окна, затем до третьего. Подоконники были ее спасением, ибо держаться за них было гораздо удобнее.

Уже через четверть часа она достигла гостевого балкона и, взобравшись на него, облегченно вздохнула. Ноги ее вмиг замерзли на каменном полу балкона, она зябко поежилась. Быстро подбежав к стеклянным дверям, она начала что было силы толкать их. Но они были заперты. Но Славу было уже не остановить. Она подобрала с балкона небольшой камень и начала бить им в стекло неподалеку от ручки. Ей удалось разбить стекло и она, повернув ключ изнутри, попала внутрь спальни. Преодолев гостевую спальню, выбежала в коридор. Осмотревшись, она не увидела ни одной живой души. Слуги, исполняя приказ фон Ремберга, боялись подниматься на второй этаж, потому Слава беспрепятственно добралась до своей спальни и закрыла дверь.

Бросив цепкий взгляд на часы, девушка отметила, что уже две четверти шестого. Времени причисываться не было, к тому же ее могли заметить слуги, которые явно беспрекословно выполняли поручения своего хозяина. Проворно облачившись в корсет и простое светлое платье-амазонку для верховой езды, Слава решила не надевать фижмы, оттого что в них будет невозможно сидеть верхом в седле. Она надеялась одолжить их у Любаши. В тканевый тюк, сделанный из легкого покрывала, девушка положила вечернее красное платье, нижние юбки, чулки, темно-золотистые туфельки. Сумочка с подарком для Любаши осталась в спальне фон Ремберга, и девушка надеялась извиниться перед подругой и подарить ей подарок на днях.

Перекинув свою наскоро сделанную поклажу через локоть, девушка выбежала в коридор и бегом направилась к боковой лестнице, которая находилась в другом конце дома. Этим проходом почти никогда не пользовались, и Слава тайно покинула дом, выйдя в глухом конце сада. Высоко подняв юбки, она стремительно побежала к конюшням. Едва она приблизилась к дверям конюшни, как слышала голоса Людвиг и Макара – извозчика.

– Господин запретил выпускать госпожу Светославу из комнаты. Он очень зол на нее, – произнес Людвиг, когда Слава, спрятавшись за угол постройки, отчетливо слышала его слова.

– А мне заявил, что экипаж не понадобится, потому что госпожа останется дома. Ничего не понимаю. Ведь еще час назад она собиралась ехать.

– Они поссорились, – тихо произнес Людвиг. – Мне рассказала о том ее горничная...

Слава, спрятавшись за конюшней, дождалась, пока слуги пройдут мимо нее к дому. А потом, озираясь по сторонам, она вошла внутрь конюшни и пробралась в нужное стойло. Проворно оседлав своего любимого рыжего жеребца, девушка привязала свою поклажу и, взобравшись в седло, поскакала по направлению к дальним воротам усадьбы, которые открывали для телег с провиантом, приезжающим из подвластных фон Рембергу деревень.

Глава III. Упорхнувшая птица

Любаша хохотала как безумная.

– Похоже, твой муженек без ума от тебя, дорогая! – воскликнула сквозь смех Артемьева.

– Не вижу ничего забавного, Любаша, – обиженно заметила Слава уже пожалев о том, что рассказала подруге все нюансы жизни с мужем за последние несколько дней.

Они находились в спальне Артемьевой. Камеристка Любаши уже заканчивала с прической Славы, а Артемьева стояла рядом и подсказывала, как лучше причесать подругу. Сама Любаша уже была полностью наряжена, и то и дело в отражении зеркала кокетливо рассматривала себя в темно-синем атласном платье.

– Если бы ты знала, как я устала за эти дни от постоянного контроля, – произнесла Слава вздыхая.

– Но это же так интересно! – воскликнула Любаша. – Про твоего мужа ходят всякие неприятные даже жутковатые истории. Что он холоден, бесчувственен, циничен, наконец, опасен. А оказывается он обычный нормальный мужчина. Раз ведет себя подобным образом.

– Ты считаешь это хорошо – запереть меня в собственной спальне?

– Он просто не хотел, чтобы ты ехала на ассамблею без него. Что такого? Это доказывает, что ты ему весьма небезразлична.

– Лучше бы он был равнодушен ко мне, – пролепетала устало Слава. – Ты знаешь, Любаша, полгода назад я просто мечтала проводить с ним больше времени, ибо искренне была влюблена в него. Но ему это было не нужно. И я так страдала потом. А теперь, когда он вернулся, я уже просто не в силах выносить его приказы, напор и... – она чуть запнулась и, смущенно опустив взор, вспомнила последнюю вызывающую вульгарную выходку фон Ремберга и его диковатые поцелуи.

– Ты неправа, моя дорогая, – произнесла Артемьева. Отослав жестом камеристку, она подошла к Славе и взяла ее за руку. – Фон Ремберг мне всегда представлялся неким чудовищем в человеческом облики. Все-таки его жуткий ледяной взор невозможно выносить. Но после всего того, о чем ты мне рассказала, я поняла – он вполне обычный мужчина, и имеет такие же слабости, как и мы все.

– Ах, Любаша, его характер невозможен. Я еще не знаю, что меня ждет, когда он узнает, что я сбежала из-под замка.

– Ну Слава, разве ты не знаешь, как успокаивать рассерженных мужчин? – хитро произнесла Любаша. – Улыбнись и пококетничай с ним. Скажи что-нибудь ласковое. Соблазни, наконец. Он тут же остынет.

Слава напряженно выслушала слова Артемьевой и подумала, что совсем не хочет соблазнять Кристиана фон Ремберга. Так как ее сердце все еще было обиженно на него невероятно. Ведь за все эти дни, он ни разу даже не попытался извиниться за свои обидные слова полугодовой давности, когда заявил ей прямо в лицо, что она недостойна его привязанности. И нынче в его желании провести в ее обществе время, или в его вульгарных попытках настоять на неких интимных ласках она видела лишь наигранность и неискренность, совершенно не понимая, отчего молодой человек так себя ведет.

– Если бы все было так просто, как ты говоришь, Любаша, – произнесла, Слава и встала с кресла. Оправив платье, она посмотрелась в зеркало.

Платье алого цвета имело большой квадратный вырез и оставляло мало места для фантазии. Тонкая талия, затянутая корсетом, фижмы, одолженные у Любаши и пышная шелковая юбка, подчеркивали все прелести фигуры Славы. Даже Любаша не смогла сдержать восхищенного возгласа:

– Это платье тебе очень идет!

– Я не люблю его, чересчур открытое, – вздохнула Слава и отвернулась от зеркала. – Хотела надеть светлое с кружевами, так мой драгоценный муж порвал его.

– Порвал? – удивилась Артемьева. – Ты про это ничего не рассказывала.

– Нечего и рассказывать, – мрачно вымолвила Слава, оправляя юбку сзади. – Пришлось взять с собой это.

Любаша подошла к подруге и обняла ее.

– Я так благодарна тебе, Слава, что ты приехала, – заметила Любаша. – На этой ассамблее мне было бы не по себе без твоей поддержки. Ведь сам царь повелел сегодня устроить празднество у нас, едва прознал про мои именины. Все эти высокородные дамы и господа. Их же надо всех ублажить и удивить! А это так трудно. Даже князь Меньшиков обещался быть!

– Я для этого и приехала, Любаша, чтобы помочь тебе встретить должно гостей.

– Давай немного присядем, по старому поверью, а затем пойдем вниз, а то скоро гости начнут прибывать.

Они присели и замолчали. Вдруг Артемьева посмотрела на горящие языки свечей, стоявших в канделябре рядом и заметила:

– Ты знаешь, Слава, я почти позабыла Федора. Даже по ночам он мне перестал сниться.

– Я рада за тебя, Любаша, ты заслужила счастье, – кивнула Слава.

– Семен очень любит меня. Наряжает, балует. Я знаю, что он достоин моей любви. И я чувствую, что возможно скоро я смогу ответить ему взаимностью...

– Кристиан, ты, наконец, явился.

– Вы отпускали меня на четыре дня.

– Да-да, я помню о том, – проскрежетал, поморщившись Верховный. – Но я ждал тебя два часа назад. Брату Жерому никак не удастся раскрыть эту книгу, что ты привез. Я хотел, чтобы ты посмотрел ее сам.

– Но возможно книгу нельзя более раскрыть? – спросил тихо фон Ремберг, прекрасно зная тайну этой прозрачной уникальной скрижали. Кристиан сильнее закутался в плащ. Отчего-то сегодня сырость подземелья проникала во все его члены, не давая расслабиться. Он стоял напротив небольшого трона, на котором восседал сухой неприятный старик Лионель. Шесть высоких монахов в черных масках окружали Верховного.

– Ты неправ, мой мальчик. Я чувствую, что этот прозрачный камень лишь оболочка, за которой скрываются древние пророчества и тайны Светлых. Ты должен попробовать сам.

– Я посмотрю книгу.

– Сделай это. Да, о девице... – проскрежетал жрец Лионель. При упоминании Славы, Кристиан напрягся. – Пока мы не разгадали письма книги, девица не может быть доставлена для Великой мессы освящения.

– Мессы освящения? – спросил молодой человек, замерев. Все мессы Ордена окроплялись кровью невинных жертв. И Кристиан прекрасно знал об этом. Еще прошлой осенью Верховный говорил о том, что Слава еще будет нужна им позже. Но молодой человек даже не подозревал о жутких планах Лионеля.

– Да, мой мальчик. Ее девственная кровь освятит дар нашему Повелителю, – ответил Верховный. – Но сначала мы должны раскрыть эту книгу Светлых. Ибо наш Тёмный Повелитель открыл нам одну тайну. Именно в этой второй древней книге описана истина – нечто, что может помешать совершить нашу Высокую мессу и задержать исполнение его воли.

Похолодев до кончиков пальцев ног, фон Ремберг отчего-то подумал о том, что тогда, много лет назад в лесу девушка избежала его клинка благодаря его волку. Но теперь, словно какие-то силы вновь привели ее к смертельной угрозе, желая все же принести ее на жертвенный алтарь тьмы. И сейчас она вновь находилась на волоске от гибели. В этот жуткий миг Кристиан отчетливо осознал, что девушка далеко небезразлична ему, как он полагал все это время. И

в эту секунду, слова Верховного вызвали в его душе неистовую противоречивую чувственную бурю. Отчетливое ощущение влюбленности в девушку вдруг пронзило все его существо. Осознание этого будто набат забило его в сердце. Он должен был ее защитить, и немедленно придумать что-то. Вздурораженные мысли Кристиана заметались и он, не сдержавшись, громко выдохнул:

– Что с ней сделают?

Старик Лионель нахмурился, удивленный интересом молодого человека. Раньше фон Ремберг никогда не задавал лишних вопросов и исполнял волю Ордена, какова бы она не была.

– Два раза в месяц, в полнолуние и в шестой день луны, небеса отверзаются, и Тёмные Великие Духи слышат нас. Мы должны подготовить невинную девицу к одной из этих дат, – продолжал Верховный, входя в раж. – Сначала ее кровь испьют все посвященные в тайну. Потом ее девственным лоном по очереди овладеют тринадцать верховых жрецов, это станет символом подчинения тринадцати созвездий планет Великой Темной Звезде Нибиру. Затем мы вырвем ее сердце, и кровь с него окропит древний алмаз, который она передала нам. И Великий Владыко наполнится Темной энергией и освятит другие самоцветы. Тогда все свершится!

С каждым словом Верховного, Кристиан бледнел все сильнее. Он примерно представлял, как проходят мессы Повелителю тьмы. И всегда пытался избегать их, потому что убийство невинных и младенцев всегда вызывало в нем чувство отвращения. Все знали, что выполняя поручения, фон Ремберг казнил лишь мужчин и только тех, которым было трудно противостоять. Но нынче он должен был привести на поругание и убийство невинную девицу. Деву, которая еще неделю назад не вызывала в его душе столько противоречивых страстных чувств. Но теперь представив весь ужас, который предначертан ей, молодой человек покрылся холодным потом. Он не мог послушаться воли Верховного, но и не мог отдать это чистое, нежное, прелестное создание на казнь. Его разум начал лихорадочно искать выход.

– Именно для этого ты женился на ней. Чтобы мы могли беспрепятственно иметь власть над ней, – продолжал старик. – Ближайшее полнолуние через три дня...

– Но мне необходимо время, чтобы разгадать тайну книги, – заявил глухо Кристиан.

– Я понимаю. И сколько времени тебе надо, Крис? – произнес старик и пытливо посмотрел на молодого человека. Фон Ремберг спокойно выдержал взгляд смерти, который читался в глазах Верховного и уверенно произнес:

– Несколько месяцев, возможно полгода.

На висках Кристиана выступил пот, ибо сейчас решалась судьба Славы, и он боялся того, что не сможет убедить в своей лжи Верховного, который испепелял его взглядом.

– Слишком долго, Кристиан. Даю тебе пару недель, может месяц, не более. Надобно совершиться мессе как можно скорее и тем самым выказать наше почтение Темному Повелителю.

– Два месяца, ваше святейшество, – настойчиво вымолвил молодой человек, пытаясь выгадать чуть больше времени.

– Так и быть, мой мальчик, два. Но не более! Потому тянуть с этим не стоит. Пока девственная кровь Девы не окропит алмаз, остальные камни не получают силу тьмы...

– Я запомнил это...

Опустошенный и мрачный, фон Ремберг вошел в дом и осведомился у дворецкого об исполнении его приказаний относительно Славы. Получив утвердительный ответ, Кристиан тяжело вздохнул и, на ходу стягивая перчатки и плащ, устремился по лестнице наверх. Единственное, чего он безумно желал сейчас – это увидеть ее. Перепрыгивая через три ступени, он поднялся на второй этаж и, преодолев коридор, остановился около двери в свою спальню. Чуть успокоив дыхание, он решительно повернул ключ в замке. Открыв дверь, Кристиан порыви-

сто вошел внутрь. Его страждущий и жадный взгляд воодушевленно пробежался по спальне и замер на распахнутом окне.

В следующий миг в его сознание вонзилась жуткая мысль о том, что Слава выпала из окна и разбилась. Смертельный ужас охватил его существо. Стремительно бросившись к раскрытому окну, молодой человек ошарашено склонился с подоконника. Уже стемнело, и ночной мрак окутал поместье. Оттого внизу ничего не было видно. Издав глухой рык, Кристиан бросился прочь из комнаты. Сбежав с лестницы, фон Ремберг дико закричал:

– Людвиг, Потап, сюда!

Слуги, услышав крики хозяина, выбежали ему навстречу. Кристиан, схватив зажженный факел с уличного фонаря, побежал через сад к заднему фасаду дома. Слуги последовали вслед за ним.

Спустя полчаса, прочесав все пространство перед домом, ров и ближайšie кустарники, и удостоверившись, что тела девушки нигде нет, фон Ремберг немного успокоился. Но и следов ее тоже не было видно. Он начал требовать ответа от слуг. Но никто ничего не знал, и это было весьма странно. Вновь стремительно поднявшись в свою спальню, молодой человек попытался понять, куда делась Слава из его запертой комнаты. Все его напряженные раздумья рассеяла экономка Ядвига, которая появилась на пороге его спальни и рассказала о разбитом окне в спальне для гостей, а так же о беспорядке в комнате госпожи. После этого Кристиан, наконец, сообразил, как она выбралась. Тонкий карниз, который проходил мимо окон его спальни к другим комнатам – был единственным выходом, которым могла бы воспользоваться девушка.

Осознав все это, Кристиан сначала разозлился, понимая, как рисковала эта строптивница, когда шла по этому смертельному выступу на стене. Но затем, его гнев сменился неистовым восхищением. Фон Ремберг был поражен очередной дерзкой выходкой Славы. Он понимал, что любая другая девица на ее месте осталась бы сидеть в комнате, вытирая слезы. Но эта девица не походила ни на одну особу женского пола, встреченных им ранее. Она смогла вырваться из его комнаты и опять одержать над ним верх. Яростное желание наказать ее за дерзкую проделку, возникшее в его мыслях первоначально, уже спустя четверть часа быстро угасло. А существо Кристиана наполнилось безумным восторгом от поступка девушки и преклонением перед ее смелостью.

Спустя полчаса, направляясь в карете, в сторону парадной части Петербурга, фон Ремберг думал лишь о том, что его юная жена бесстрашна, уникальна и прекрасна...

Как только Кристиан вошел в мерцающую освещенную залу особняка Артемьевых он сразу же увидел ее. Слава танцевала алеманду с кавалером в ярко-ореховом камзоле. Платье ее из алого атласа огненной волной отливало в свете свечей и поблескивало золотыми искорками. Узкая талия, широкая юбка и невероятно глубокое декольте платья, подчеркивали изящную и соблазнительную фигуру девушки. Она казалась невероятно легкой, сказочной и притягательно манящей, вроде яркой воздушной бабочки, выпорхнувшей из весеннего сада.

Ее платье показалось фон Рембергу изысканным и в то же время более вызывающим, чем то медовое, которое он порвал на ней. Кавалер Славы – невысокого роста, со слащавой улыбкой сразу же не понравился Кристиану. Его жена весь танец о чем-то оживленно беседовала со своим кавалером по танцу, то и дело улыбаясь ему. Протиснувшись в первую линию гостей, фон Ремберг наклоном головы поздоровался с несколькими именитыми дворянами и вновь перевел взгляд на Славу.

Недовольно посмотрев в сторону музыкантов, которые сидели в отдалении, молодой человек раздраженно начал отсчитывать такты танца, ожидая, когда музыка, наконец, закончится. В какой-то момент, Кристиан отметил, как Слава заметила его. Она сразу же занервничала и нечаянно наступила своему кавалеру на ногу. Это вызвало на лице фон Ремберга ехидный оскал.

Последние такты алеманды показались Славе невыносимо длинными и гнетущими. Едва в многоликой толпе гостей она отметила высокую натянутую фигуру мужа, в черном камзоле с серебряной вышивкой, как ее настроение вмиг испортилось. Она уже представляла очередной неприятный разговор с фон Рембергом. Девушка пыталась успокоиться, заранее решая задачу, как остудить гнев Кристиана и не вызвать сплетен на людях. Когда господин Тимирязев проводил ее на место, Слава начала озиаться по сторонам. Но фон Ремберга не было видно. Неожиданно над ее ухом раздался мрачный гнетущий голос:

– Моя непослушная жена все-таки приехала на ассамблею без меня...

От баритона Кристиана по телу Славы прошел холодок и она напряглась. Она решила не поворачиваться к мужу, ибо инстинктивно ощущала, как его недовольный взор испепеляет ее затылок. Она начала нервно обмахиваться веером. Чуть обернув назад лицо, девушка громким шепотом, заявила:

– Я не желаю с вами говорить...

В следующий момент, дернувшись с места, Слава решила немедленно отойти от него, но ладонь фон Ремберга стремительно легла на ее локоть. Молодой человек свинцовой хваткой сжал ее руку и, склонившись к ушку, процедил:

– Вы намерены сбежать, сударыня?

– Отпустите, – прошептала Слава, чувствуя, как его рука немилосердно до боли сжимает ее локоть.

Фон Ремберг чуть притянул девушку спиной к своему камзолу, и уже угрожающе произнес:

– Вы хотите скандал на людях, сударыня? – Слава отрицательно замотала головой, чуть прикусив от досады губу. – Тогда пойдемте танцевать, – велел он и, не отпуская ее локтя, потащил ее в центр зала.

Она танцевала уже подряд третий танец и снова с Кристианом. Он уже более никому не позволял приближаться к Славе и приглашать на танец. Руки фон Ремберга были невыносимо жестокими, и постоянно делали ей больно. Если он брал ее за руку, то сжимал ее кисть с такой силой, что у Славы на глазах наворачивались слезы. Девушка понимала, что он рассержен и пытается наказать ее. В конце третьего танца она взмолилась и попросила передышку, но Кристиан отрицательно покачал головой и заявил:

– Вы так хотели поехать на это празднество, сударыня, так танцуйте.

Она видела его ярко-фиолетовые глаза, в которых явственно читалось недовольство, вызов и что-то еще, чего она никак не могла разгадать. Все эти долгие три танца он не сводил с ее декольте и лица напряженного оценивающего взора, словно хотел проникнуть внутрь ее существа. Они танцевали молча.

Однако после четвертого танца, когда фон Ремберг смилостивился над ней и они отошли чуть в сторону от танцующих пар, молодой человек, так и удерживая девушку за локоть, тихо поинтересовался:

– Где вы взяли это платье?

– Я давно его сшила, просто ни разу не надевала, – промямлила она, стараясь не смотреть ему в лицо, так как его близость напрягала ее неимоверно.

– Оно невозможно вульгарное и вызывающее, – глухо заметил молодой человек, не в силах оторвать взгляда от прелестных округлостей девушки. Слава стояла близко, почти соприкасаясь с ним, ибо его твердая рука не позволяла ей даже на шаг отойти в сторону. Оттого взору фон Ремберга было открыто весьма притягательное зрелище. Ткань платья закрывала грудь Славы только чуть выше сосков. И ее упругие высокие полушария почти полностью были обнажены. Однако там, где ее прелести скрывала материя, ткань была до того тонка, что вся остальная часть груди очень хорошо угадывалась. Кристиан понимал, что чувство вожделения,

которое он ощущал теперь, наверняка испытало не мало мужчин в зале, видя ее в этом развратном алом платье. – Более не смейте надевать его на люди.

– Это платье мое, и я сама решу, надевать мне его или нет, – взбунтовалась Слава.

– А если я порву ваше платье прямо здесь? – ядовитым тоном прошипел фон Ремберг, сделав акцент на слове «ваше», угрожающе наклоняясь над ней. – Вот будет пассаж, как вы считаете?

– Попробуйте, и я расцарапаю вам лицо! – парировала девушка.

Он как-то беззлобно оскалился, показав часть белых зубов, оценив ее храбрость. Слава отметила по его лицу, что ему явно понравился ее ответ. Вдруг Кристиан властно потянул ее назад. Слава удивленно взглянула на него.

– Мы уходим, – кратко бросил молодой человек, отвечая на ее немой вопрос.

– Но торжество еще не закончилось, – попыталась возразить Слава. Кристиан лишь сильнее сжал ее локоть рукой и заявил:

– Я уже достаточно развлекся сегодня, сударыня. Вы мастерица впутывать меня в неприятные ситуации...

Фон Ремберг начал подталкивать ее к выходу, почти волоча девушку за собой. Слава хоть и нехотя, но все же шла, удерживаемая его сильной рукой. Она понимала, что скандал на людях не нужен. Уже при выходе из бальной залы им навстречу попала Любаша. Заметив недовольное выражение на лице Кристиана, и взволнованное лицо подруги, Артемьева преградила им путь и осведомилась:

– Господин фон Ремберг, вы уже покидаете нас?

– Да. Мы с женой немного устали, – отрезал Кристиан.

– Но вы недавно приехали, останьтесь хотя бы на иллюминацию.

– Мы уезжаем, драгоценная Любовь Ивановна. Ваше торжество удалось на славу.

Фон Ремберг выдавил из себя несвойственную ему добрую улыбку и Любаша, опешив от улыбки Кристиана, которая сделала его лицо невозможно красивым и привлекательным, замялась и отошла в сторону. Артемьева пожелала господам фон Рембергам хорошей дороги и еще долго смотрела им вслед, размышляя, видела ли она раньше, чтобы Кристиан фон Ремберг улыбался.

Глава IV. Древняя книга

Кристиан протянул руку, затянутую в перчатку, Славе, помогая ей взобраться на подножку кареты, и приказал кучеру править в усадьбу. Плехнувшись быстро на сиденье, девушка облокотилась на бархатные подушки, отвернув лицо к окну и нахмурившись. Молодой человек занял место напротив и замер в напряженной позе не спуская напряженного взгляда с прелестного печального лица Славы.

– Вы поступили опрометчиво, лазая, словно кошка по карнизам, – начал наставительную речь фон Ремберг. Отчего-то именно это ожидала услышать Слава от своего мужа. Она даже не взглянула на него, делая вид, что наслаждается пейзажем за окном. – А вы не подумали о том, что могли упасть и разбиться насмерть? – продолжал он.

Слава быстро перевела на него золотой взгляд и произнесла:

– Если бы я разбилась, виноваты в этом были бы только вы, сударь. И бросьте свой нравоучительный тон. Я вовсе не расположена выслушивать от вас все это...

– Не расположена?! – взвился Кристиан, увидев, как девушка вновь перевела взор на окно. Он был так натянут, так раздражен, а она игнорировала его всем своим видом. И это до крайности раздражало его. – Вы выслушаете меня, сударыня, даже если вам это не нравится!

Слава безразлично пожала плечами. Она молчала и упорно не смотрела на него. Кристиан начал закипать. Сжав кулак, молодой человек мрачно жадно смотрел на нее, понимая, что Слава опять хочет взять над ним верх. Он столько сделал для нее, а она совершенно этого не хотела понимать. Он боялся за нее и выторговывал у Верховного несколько месяцев ее жизни. Затем переживал за нее, когда думал, что она разбилась насмерть. А потом, беспокоясь о ней, поехал как глупец на эту ассамблею, и в течение последнего часа раздраженно терпел то, как она выставляет свои прелести всем напоказ в этом невозможном платье. Но видимо, ей было это безразлично. И она вовсе не ценила всего того, что он делал для нее. Хотя он не должен был этого делать. Сейчас же она относилась к нему как к назойливому кавалеру, как будто принудительно отбывая отмеренное время в его обществе. Ведь в данную минуту она даже не смотрела на него, и всем видом игнорировала присутствие рядом.

Горящий взгляд фон Ремберга описал несколько кругов по изящной фигурке девушки. Ее плащ был распахнут, и взор молодого человека вновь остановился на ее высокой упругой груди. Золотой локон, выпавший из ее прически, лежал в ложбинке между высоких прелестных округлостей. Кристиан не мог заставить себя убрать взгляд от этого притягательного зрелища. Он должен был признать, что этот алый чудесный шелк невероятно идет к ее коже слоновой кости и к ее золотым переливающимся волосам. И здесь, в карете, скрытая от посторонних глаз, Слава невероятно нравилась ему в этом наряде, потому что фасон платья был до безумия волнующ и притягателен.

С каждым мгновением молодой человек все более мрачнел, и от напряжения испарина выступила у него на лбу. Фон Ремберг ощутил, как кровь приливает к его голове, а все его тело охватывает неумная жажда вождения к этой соблазнительной юной искустельнице. Не выдержав этого немого противостояния между ними, он вновь первым нарушил гнетущее молчание.

– Я требую, чтобы вы смотрели на меня, когда я говорю с вами! – процедил Кристиан хрипло. Слава соизволила перевести на него золотые озера глаз и тихо по слогам произнесла:

– Оставьте меня хоть на миг в покое...

– В покое, сударыня?! – взвился молодой человек. – Мы еще не обсудили ваше наказание, ибо вы сбежали из моей спальни, – произнес он какую-то совершенно глупую фразу. И сам удивился, как он мог сказать подобное.

Слава приподняла брови на его словесный выпад, и вдруг звонко рассмеялась ему в лицо. Кристиан смертельно побледнел. Его лицо покрылось красными пятнами, а затем посерело. Она смеялась над ним! «И поделом мне!» – подумал про себя молодой человек, понимая, что ведет себя подобно влюбленному глупцу, который ошарашен близостью желанной девицы и оттого несет всякий бред. И его женушка, похоже, думала так же, явно чувствуя свое превосходство. Никто и никогда так дерзко не смел вести себя с фон Рембергом.

Люди не просто боялись противостоять ему, они опасались даже посмотреть в его сторону. Но она! Она не только не страшилась его теперь, она потешалась над ним! Вмиг разозлившись сначала на себя, а потом на нее, фон Ремберг порывисто вскочил с сидения и, быстро наклонившись к девушке, сильными неумолимыми руками сжал ее плечи и прижал девушку к стенке кареты. Она ахнула, прекратив смеяться, едва сдержав изумленный вскрик.

– Может вас как следует выпороть плетью? – прохрипел фон Ремберг, склонившись к ее испуганному прелестному лицу. Его взор страшный угрожающий испугал ее. Слава отчетливо ощутила, что ее поведение задело его за живое, и его недовольное настроение сменилось на ярость. Она похолодела от заполнившего ее существа страха. В этот момент карета дернулась на ухабе, и Слава ударилась затылком о стенку сидения. Увидев это, Кристиан довольно оскалится и жутковатым тоном процедил. – Или запереть вас в ледяном подвале без еды, скажем так... на неделю?

Его голос стал свинцовым, а на лице появилось жестокое выражение. Еще минуту назад, Слава забавлялась над ним, но в эту секунду она увидела перед собой грозного опасного хищника, взгляд которого походил на лезвие клинка, и с которым было жутко находиться в одном пространстве кареты. Она запаниковала и нервно выпалила:

– Пустите! Мне больно!

Она забилась в его жестких руках, пытаясь высвободиться. Она начала изворачиваться как змея, но это ни к чему не привело. Единственное, чего она добилась, так это того, что глаза фон Ремберга стали блестящими, а дыхание прерывистым. Взгляд его лихорадочно заметался от ее полуобнаженной груди к полным соблазнительным губам и обратно, а его ладони стали странно сжимать ее плечи, настойчиво пытались размять ее тело пальцами. В следующий миг он еще сильнее склонился над ней, почти вплотную приблизив свое лицо к ее личику, и хрипло прошептал:

– Однако, я думаю, что мог бы заменить наказание... в обмен на нечто гораздо более приятное и сладостное... – слова замерли на его губах. В следующий момент Кристиан приподнял левой рукой ее подбородок и, испепеляя ее потемневшим фиолетовым взором, вдохновенно добавил. – На ваш поцелуй, золотко...

И прежде чем девушка успела что-либо осознать, молодой человек обхватил ее шею сильной ладонью и впился в дрожащий рот, властным, но в то же время нежным поцелуем.

Невольно опешив от его неожиданных губ, которые яростно накрыли ее губки, Слава уперлась руками в твердую широкую грудь, пытаясь оттолкнуть его. Молодой человек совершенно не обратил внимания на ее сопротивление, продолжая ласкать своим настойчивыми губами ее рот. Однако недовольство и замешательство девушки от его смелых настойчивых поцелуев длилось недолго. Вскоре она ощутила, как все ее тело задрожало от его неожиданного страстного напора.

Еще ни разу он не целовал ее так. Те два поцелуя Кристиана были другими. Первый полгода назад был сдержанным, каким-то пуританским и немного унылым, утренний поцелуй фон Ремберга напоминал скорее наказание. Но сейчас поцелуй молодого человека – невозможно чувственный и сладостный заставил девушку удивленно замереть. Его губы, сначала порывисто утолив первый пламенный голод, начали умело нежно терзать ее приоткрытый рот, то и дело осторожно прикусывая ее нижнюю губу. Присев рядом с нею, фон Ремберг одной рукой,

обвив ее стан, осторожно, но неумолимо прижал девушку к своей груди, а второй рукой обхватил затылок Славы, удерживая ее голову на интимном расстоянии от своих губ.

Спустя некоторое время девушка перестала сопротивляться его напору, ощущая, как все ее тело трепещет от возбуждения, наслаждаясь каждым прикосновением губ и рук Кристиана. Его губы стали требовательнее, а поцелуй превратился в более страстный и пламенный. Слава же во власти неведомых до того неистовых желаний, полностью захвативших ее существо, совсем не хотела прекращения этих упоительных ласк. Девушка порывисто обвила шею молодого человека руками и начала сама целовать Кристиана в ответ. Фон Ремберг что-то пробормотал и начал осыпать лицо девушки неистовыми жгучими поцелуями. Дыхание Славы стало прерывистым, она потеряла осознание того, где находится. Единственное, что было реальным в это сладостное мгновение – этот мужчина, который был таким нежным и страстным, что ей хотелось, чтобы он продолжал свои ласки и не останавливался.

Кристиан услышал ее стон и напрягся. Невольно отстранившись от Славы, он увидел, как глаза девушки чуть прикрыты, а ее губы тянутся ему навстречу. Эта картина безумно возбудила молодого человека. Мысли фон Ремберга лихорадочно заметались. Он чувствовал, что все его тело в напряжении жаждет обладания этой прелестницей. Но его разум немедля пресек все его хаотичные интимные мысли. Он не имел права прикасаться к ней. Даже сейчас, когда он забылся настолько, что поцеловал ее, он не имел права на это.

«Нельзя позволить ей завладеть моими мыслями...» – выпалил про себя молодой человек, едва его голова чуть протрезвела от сладостного опьянения. Но еще мгновение назад эта девица была настолько желанна, что фон Ремберг на какое-то время напрочь позабыл обо всех клятвах, заданиях Ордена и воле Верховного. Он как глупец позволил этой смазливой девице околдовать его своими прелестями и в итоге опомнился лишь сейчас, когда наделал уже столько всего недозволенного. Кристиан стиснул зубы, напряг руки и неимоверным усилием воли заставил себя разжать объятия. С ожесточенной яростью, которая заполнила его сердце, он пересел на противоположное сидение и, скрестив руки на груди, отвернулся от Славы, хмуро уставившись в темное окно.

Слава не сразу пришла в себя. В какой-то момент она ощутила, что его сильные ласковые руки более не обнимают ее стан. Она открыла глаза и неуверенно выпрямилась, сев прямо. Непонимающим взором она уставилась на Кристиана и прочитала на его лице недовольство и явное раздражение. Он не смотрел на нее. И Славе показалось, что он обиделся на нее или обвинял в чем-то, оттого и не желал более смотреть в ее сторону. Она хотела спросить молодого человека, отчего он так резко прекратил свои ласки. Но девушка не решилась озвучить вопрос. Она напряженно взирала в мрачное красивое лицо фон Ремберга, пытаясь понять мотивы его поведения.

Он чувствовал, что она смотрит на него. Но боялся бросить даже мимолетный взгляд в сторону своей юной жены. Кристиан боялся себя, своих чувств и неуправляемых желаний, которые постоянно возникали, когда находилась рядом она. Стиснув зубы, он упорно смотрел в одну точку, пытаясь хоть немного отвлечься от снедающего его плотского желания. Он вдруг подумал о мадам Гринберг и ее девицах, обитающих в доме терпимости на окраине Петербурга в немецкой слободе. Но эти воспоминания отчего-то вызвали у молодого человека брезгливое чувство отвращения и он невольно поморщился. Однако, эти мысли немного остудили его пыл, и оставшийся путь до усадьбы, фон Ремберг ехал в мрачном клочущем настроении, стараясь ничем не выдать своей спутнице своих тайных желаний, которые снедали его существо.

В тот день Кристиан вернулся от прусского посланника около четырех. Отказавшись от предложенного Людвигом обеда, молодой человек заперся в своем кабинете, решив продолжить изучение древней стеклянной книги, изречения из которой он записывал все последние дни.

Почти четыре дня ему удавалось избегать общества своей невозможной, соблазнительной и притягательной жены, с того самого вечера, когда он понял, что находиться в ее обществе опасно для него. Да, именно после той ассамблеи у Артемьевых, Кристиан осознал одну вещь. Эта золотоволосая девица как-то странно действует на все его существо, заставляя его исполнять несвойственные ему роли: докучливого мужа, пламенного возлюбленного и порывистого неуправляемого глупца, который только и жаждет контролировать каждый шаг, и непрерывно участвовать в ее жизни. Но разумом Кристиан вовсе не желал всего этого.

Возможно, за те короткие полторы недели, с того момента как он вернулся, Слава стала занимать в его холодном сердце некое довольно обширное место, но это ему совершенно не нравилось. С горечью молодой человек должен был признать, что в обществе этой феи с янтарными очами, его разумные мысли заглушались страстными, порою неуправляемыми порывами и желаниями, его сердце быстрее билось, а все его существо словно магнитом тянулось ближе к ней. В этот момент времени, фон Ремберг всеми силами пытался устоять перед ее манящим очарованием, стараясь убить в своем сердце то чувство неистовой влюбленности, которое стремительно и неумолимо теперь владело им. А он даже не успел понять, когда же это произошло. Это осознание травило все его существо. Ведь Кристиан прекрасно знал, что влюбленный человек, зависимый от объекта своего обожания, невероятно уязвим, слаб и не может трезво мыслить. Но у него была цель – его поручения и служение Ордену.

Оттого влюбленность в эту девицу могла помешать ему в дальнейшем с трезвым, холодным расчетом выполнять задания Верховного. Да это уже и происходило. И в последний раз у Лионеля он как дурак выгадывал для нее еще несколько месяцев жизни, и дико боялся за нее, а должен был с холодным сердцем привести ее на казнь. Но он не мог отдать ее на жертвенную мессу. Не мог. Лишь от одного осознания этого, молодой человек покрывался холодным потом, и его сердце сжималось в яростной агонии, не в силах представить даже малейшую боль, которая могла быть причинена девушке. И виновными во всех его терзаниях были глупые влюбленные чувства к этой юной девице, которые возникли так внезапно.

Именно поэтому с того дня, как он поцеловал ее в карете, молодой человек даже не дерзал приближаться к Славе. Он находил тысячу предлогов, дел и занятий для себя, только бы не появляться за трапезами в столовой, случайно не столкнуться с ней в коридорах особняка и вообще всячески боялся даже издали смотреть на нее. Он решил вытравить из своего сердца эту влюбленность, которая мешала ему исполнять волю Ордена.

И первые два дня ему удавалось не встречаться со Славой, потому что она так же не стремилась проводить время в его обществе. Однако к концу третьего дня, когда Кристиан случайно проходил мимо двери ее спальни он уловил еле слышимый запах цветов жасмина. Он сразу же остановился и, чуть прикрыв глаза, начал невольно вдыхать носом ее аромат. Перед глазами поплыли ее образы, сначала в изумрудном платье, потом в его спальне, когда он отчетливо видел ее обнаженные прелести, а затем в ярком красном атласе, с закрытыми глазами, когда она подставляла свои сладкие губы его рту. Тогда он резко распахнул глаза, понимая, что ведет себя, по меньшей мере, глупо. Он сорвался с места и почти бегом спустился вниз.

В тот же день он нечаянно увидел ее в гостиной, где она говорила с одной из служанок. И Кристиан, который не видел девушку уже три дня, как замороженный через приоткрытую дверь, невольно залюбовался стройным изящным станом жены в бледно-лиловом платье из бархата. Она стояла к нему спиной и взор молодого человека с каким-то упоением изучал все черты ее совершенной фигурки, тонких покатых плеч и золотистых локонов, которые спускались из высокого хвоста на ее узкую спину густым потоком. В эти мгновения Кристиан ощущал, что ему не хватает их совместных бесед, их перепалок, ее остроумных ответов и ее взора, который всегда смотрел на него открыто и невозможно чарующе.

Вдруг, Слава чуть отошла и исчезла из поля его зрения, а ее милый голосок, прерываемый вопросами служанки, стал разноситься откуда-то сбоку. Фон Ремберг так и остался стоять у двери, уже остро прислушиваясь к ее мелодичной речи и стараясь не упустить ни единого ее слова. И совсем потерял ощущение реальности. Неожиданно дверь перед ним распахнулась и Слава, выйдя из гостиной, нос к носу столкнулась с ним. Кристиан напрягся всем телом, увидев искреннее удивление, написанное на ее красивом лице, и побледнел. Ведь он совершенно не почувствовал, как она приблизилась к двери, как будто в этот миг его сознание было опьянено его сладострастными мыслями.

– Сударь? – произнесла девушка удивленно. Фон Ремберг сразу же пришел в себя и, сузив глаза, невольно пробежался горящим взором по ее облику, остановив взгляд на лучистых глазах.

– Добрый вечер, Светослава, – невольно выдохнул он, и его трепетный взор прилип к губам девушки. Тут же осознав свой кошунственный невозможный взгляд, молодой человек засуетился и, резко развернувшись, стремительно ушел прочь, направившись в кабинет. Там он некоторое время пытался прийти в себя, ругая себя за глупое поведение.

Сегодня же шел уже четвертый день с того самого вечера, когда он решил вырвать свою влюбленность в эту девицу из своего сердца. Но это плохо получалось. Мысли о ней, ее образ постоянно терзали его. Но более его удручало нечто другое. Все эти четыре дня, которые они не виделись, не считая вчерашней нечаянной встречи, Слава совсем не искала его общества. Она словно радовалась тому, что он не приближается к ней, и это устраивало ее. Но Кристиан прекрасно помнил, как полгода назад Слава сама разыскивала его по дому, чтобы узнать, как у него дела, как он провел день. Тогда она была рада видеть его и на ее лице постоянно отражалась улыбка, а в глазах он видел добрую ласку по отношению к себе.

Сейчас же, после его возвращения все стало иначе. Девушка как будто закрылась от него, и все первые дни именно он был инициатором их общения. А как только он решил избегать ее, то Слава с радостью приняла правила его игнорирующей игры. Это печалило его, и даже порой вызвало в душе терзающие недовольные мысли. И Кристиан прекрасно догадывался о причинах столь холодного отношения девушки. Ведь тогда, полгода назад, его жестокие слова о том, что она недостойна его любви, наверняка оставили в ее нежном сердце рану. И в этом он не сомневался и отчетливо понимал мотивы ее холодного поведения. Лишь однажды ему показалось, что девушка получает удовольствие от его близости. Это было там, в карете, когда он, забывшись, так упоительно целовал ее. Но это воспоминание было кратким волнующим мигом удовольствия, которые он должен был вытравить из своих мыслей.

Вздыхая, фон Ремберг пытался сосредоточиться на изучении древней книги, сидя за столом в закрытом кабинете. Книга, выполненная из прозрачного горного хрусталя, переливалась в заходящих лучах небесного светила, придавая желтоватый оттенок каменному листу. Кристиан методично прикладывал пальцы к одной из букв второго ряда, зная, что только так книга может открыть свои секреты. А затем пытался расшифровать фразу, которая появлялась на прозрачном каменном листе.

Еще с первого дня, едва отобрав книгу у ведьмы, фон Ремберг почти неделю бился над секретами этой древней прозрачной доски. Ведь только первый ряд книги, при приложении указательного пальца Кристиана преобразовывался в смысловые фразы. А начиная со второго ряда, просто так понять появляющиеся фразы было невозможно. Так как слова во фразах второго и последующих рядов появлялись в хаотичном порядке.

Лишь два дня назад молодому человеку удалось осознать, что каждое слово на камне имело некий отсвет определенного оттенка, и слова было необходимо соединять во фразы в соответствии с этими цветами по порядку, как располагались цвета в радуге. Смысл фразы появлялся только когда Кристиан выстраивал слова в радужном порядке, в зависимости от отсвета. Причем слова одного радужного цвета имели едва различимый определенный отте-

нок, например, голубой. Оттого трудность заключалась в том, что надо было сначала поставить слова с более бледным голубым, потом с более насыщенным голубым, а далее самым ярким голубым отсветом. Еле видимые оттеки цвета молодому человеку удавалось различить с помощью определенной силы теплового поля, который излучал тот или иной оттенок. И фон Рембергу постоянно приходилось напрягать свое совершенное зрение, энергетическую силу и интуицию, чтобы разлить этот едва уловимый оттенок слова, ибо сначала все слова казались просто со светлым отсветом. И когда Кристиану, после нажатия на определенную букву, удавалось выстроить все появившиеся слова в верную последовательность, фраза приобретала некий тайный смысл.

Сегодня, проведя за работой уже несколько часов к ряду, молодому человеку удалось расшифровать пару таинственных фраз. Он записал их на листе бумаги на санскрите, и пытался понять их смысл, перечитывая их по нескольку раз, сразу же переводя в мыслях фразу на русский, поскольку что на этом языке ему было проще всего размышлять еще с юности.

– И будут явлены древние обереги Врат, – прошептал фон Ремберг одними губами и, нахмурившись, продолжал. – И родятся два Великих витязя. Светлый и Мерцающий во тьме. И Светлый падет в неравном бою, а Мерцающий воин сможет спасти древний Кристалл Инглии, и защитить его от тьмы...

Нахмурившись, Кристиан задумался, пытаясь понять фразу и размышляя над ней. Отчего-то разум твердил ему, что Светлый воин уже погиб, как и было сказано в этой фразе, и был он братом Светославы. Но кто был этот второй витязь Светлых, который должен был спасти древний Кристалл, он не понимал. Уже измучившись в раздумьях, Кристиан перевел взор на вторую написанную его рукой фразу и прочитал еле слышно:

– Светлая Дева будет рождена от седьмого праведного колена, поскольку все женщины ее рода были славны и чисты. Именно она вступит в схватку с тьмой, и спасение придет через ее Светлую силу...

Эту фразу фон Ремберг не понял вообще. И что эта была за светлая Дева? Видимо сильная ведьма или колдунья, раз она сможет бросить вызов тьме. И она возможно еще не была рождена.

Увлеченный своим занятием молодой человек не заметил, как село солнце. Еще ранее приказав не беспокоить его вечерней трапезой, ибо был голоден, Фон Ремберг увлеченный книгой совсем потерял счет времени. Сильный болезненный удар в солнечное сплетение изнутри застал его врасплох. От дикой неожиданной боли, Кристиан едва не выронил из рук прозрачную каменную книгу. Только боль отступила, он бросил затравленный взор на часы, на которых отразилось половина десятого, и немедленно вскочив на ноги, устремился к тайнику в стене. Лишь он успел положить в тайник древнюю каменную книгу, как его нутро вновь сжалось от неумолимой сильнейшей боли. Кристиан успел закрыть тайник и почти бегом направился прочь из кабинета в библиотеку, где была его потайная комната.

Он прекрасно знал, что теперь передышки между болями будут сокращаться, а боль усиливаться. Уже входя в подземелье, он ощутил четвертую жуткую муку, которая пронзила его внутренности, и яростно стиснул зубы, дабы не застонать, боясь, что кто-нибудь услышит его. Проверив, что шкаф в подземелье почти закрылся за ним, оставив лишь небольшой просвет, он бегом устремился по каменным ступеням вниз, уже не в силах сдержать стон...

Глава V. Утешительница

Часы пробили две четверти десятого, и Слава напряженно взглянула на стрелки, ощутив, как в ее душе возникло нервное взбудораженное чувство. Инстинктивно она чувствовала, что он вновь страдает, ибо пришло время для этого. Всю последнюю неделю, едва она ощущала его страдания, девушка неумолимо и настойчиво спускалась вниз и, укрывшись за портьерой у входа в библиотеку, отчетливо чувствовала его муки.

Сцепив на груди ладони в нервном порыве, Слава, поджав губы, даже через расстояние ясно слышала стоны фон Ремберга от диких мук, которые сжигали его нутро, и ее глаза наполнились ужасом и слезами. Очень хорошо чувствуя все живые существа, она невольно ощущала, как нечеловечны его страдания, которые длились до получаса, и нервно прикусывая губы, стояла, сжавшись все телом. Да, его страдания были небезразличны ей. И каждый раз она еле удерживала себя оттого, чтобы не броситься на помощь к нему. Она боялась, что Кристиан поймет, что она равнодушна к нему, как и прежде. А она вовсе не хотела вновь показаться ему влюбленной дурехой. Однако, каждый вечер, нервная и яростно переживающая, Слава становилась у входа в библиотеку, и усилием воли удерживала себя от порывистого шага. Потому что ее участие явно бы вызвало у фон Ремберга насмешки.

Как и в предыдущие дни, девушка проворно спустилась вниз, и приблизилась к библиотеке. Она сразу же на расстоянии почувствовала его муки. Четыре дня они не виделись, и все четыре дня она пребывала в раздумьях о том, отчего Кристиан вдруг изменил отношение к ней. Ведь в первые дни по возвращению он просто преследовал ее своим вниманием, а последние дни совсем не искал с ней встреч. И его отношение к ней изменилось после того поцелуя в карете. Девушка пыталась понять, что она сделала не так, раз фон Ремберг вдруг перестал общаться с ней. Если в начале его отчуждения она даже радовалась тому, что молодой человек, наконец, оставил ее в покое, то к сегодняшнему дню девушкой овладела печаль. Она думала о том, что возможно ей только показалось, что Кристиан увлекся ею.

В эту секунду, когда она стояла у входа в библиотеку, ее сердце разрывалось от двух противоречивых чувств. Она боялась помочь молодому человеку и тем самым показать свой интерес к нему, и в то же время она жаждала облегчить его страдания. Слава услышала очередной приглушенный жуткий хриплый стон фон Ремберга, и именно в это мгновение ее сердце не выдержало этой пытки. Проворно выйдя из-за портьеры у входа, девушка прошла дальше в пустынную темную библиотеку и вытянула руки вперед. Сосредоточившись, Слава нашла энергетическое темно-фиолетовое поле Кристиана и без промедления начала воздействие на него. Пытаясь лучше сконцентрироваться, ибо молодой человек был от нее на некотором расстоянии, чтобы сильнее заглушать его боль девушка прикрывала от напряжения глаза, и сосредоточенно следила за тем, как из кончиков ее пальцев энергия, распространяясь по воздуху, устремлялась в тело фон Ремберга. Она напряглась всем телом, стараясь, чтобы ее воздействие было как можно точнее и сильнее.

Сколько она так стояла с закрытыми глазами, вливая в терзаемого муками молодого человека свое тепло, неведомо, но в какой-то миг она почувствовала некое дуновение.

– Моя радость, так это вы утешаете мою боль! – воскликнул Кристиан у ее лица, склоняясь к ней и вклиниваясь своей головой в ее расставленные ладони. Опешив, Слава распахнула глаза и опустила руки вниз, явно не ожидая, что молодой человек окажется так близко от нее, в темноте библиотеки. Ведь он был в подвале, когда она слышала его жуткие стоны.

Лишь на краткий миг она увидела улыбающееся взволнованное лицо Кристиана перед собой, как в следующий момент он резко согнулся и упал на колени перед ней, казалось, что ему нанесли сильнейший удар в солнечное сплетение. Склонив голову, он жутко застонал, и она увидела, как его тело трясется в страшной судороге. Слава тут же вновь сконцентрировалась

и, быстро склонившись над молодым человеком, проворно опустила свои руки на его виски и вновь начала передавать свою успокаивающую энергию. Уже через мгновение молодой человек чуть выпрямился и в порыве устремил к ней свое взволнованное лицо.

– Я не отпущу больше, Кристиан, не волнуйтесь, – пролепетала Слава, держа руки у его висков.

– Благодарю, – произнес глухо. Он проворно поднялся на ноги и, быстро подхватив девушку за спину и ягодицы, поднял ее на руки и выпрямился. Слава только охнула, от стремительного полета вверх, оказавшись на руках молодого человека. На краткий момент она отвлеклась от своего действия, но тут же продолжила удерживать ладони у висков Кристиана, приглушая его боль.

Замерев на месте, посреди темной библиотеки, фон Ремберг так и держал Славу на руках, прижимая девушку к своей груди, и чуть прикрыв глаза, словно наслаждался потоками живой энергии, которые исходили от тонких ладоней девушки. Она же, явно ощущая себя не своей тарелке, уже через некоторое время взмолилась:

– Кристиан, поставьте меня на пол, вам же тяжело.

Он стремительно распахнул шире фиолетовые яркие глаза и удивленно выпалил:

– Совсем нет, золотко. С чего вы это взяли? В вас весу не более чем в козочке.

Она смутилась от его пронзительного поглощающего взгляда, который настойчиво проникал в самое ее существо. Она отчетливо чувствовала сильные руки на своих бедрах и спине, и в этих местах ее тело невольно горело от его прикосновений. Близость молодого человека смущала ее, Слава напряженно пыталась сосредоточиться на своем действе, чтобы не думать о том, что Кристиан так близко.

Через четверть часа, так и удерживая девушку на своих руках, молодой человек ощутил, что пульсирующие еле ощутимые боли прошли. Опьяненный близостью и запахом этой прелестницы, которая была на его руках, ошарашенный тем, что она была так покладиста и нежна, а более всего окрыленный тем, что она сама пришла к нему, желая исцелить его от мук, Кристиан невольно потянулся к ее лицу. Его губы впились в щеку девушки рядом с ее манящими губами. Уже через секунду, сильнее притиснув своими руками Славу, он начал порывисто и жадно целовать ее губы, чувствуя, как его тело наполняется волнами радости, желания и неведомого блаженства.

Страстная атака молодого человека, а более эта интимная поза на его руках, вмиг вызвала у Славы взволнованный трепет, и она проворно обвила его шею руками и ответила на его страстные поцелуи, которыми он терзал ее губы. Кристиан в этот миг совсем не был безразличен ей, и те любовные чувства к нему, которые она испытывала полгода назад, вновь ворвались в ее сердце, подчиняя девушку страстному неистовому порыву.

Сколько они стояли так в темной библиотеке, осыпая друг друга поцелуями, пока он держал ее на руках, а она с горячностью отвечала на его страстную нежную атаку, было неизвестно. Но в какой-то момент, Кристиан, ощущая, что ему явно не хватает более интимных ласк, опустил девушку на ноги и его руки стремительно обвили ее спину и голову. Он вклинил свою ладонь в ее светлые густые волосы, собранные в длинный светлый хвост, переплетенный жемчугом, и притянул ее лицо ближе к своим губам. Вторая рука Кристиана начала стремительно перемещаться по изящной спине девушки, лаская, сжимая и терзая ее тело через тонкую материю платья.

Вдруг, Славу пронзило яркое воспоминание того, как полгода назад жестокие слова фон Ремберга разбили ей сердце. И она не хотела повторения тех душевных мук, которые терзали ее существо долгие месяцы горечи. Нет, она более не хотела допустить того, чтобы фон Ремберг вновь насмеялся над ее нежными любовными чувствами. Слава дернулась из его объятий. Отпрянув от молодого человека и попятившись, она посмотрела на Кристиана ошалевшим от страсти и страха взглядом и порывисто выпалила:

– Не надобно...

Мгновенно она увидела яростный непокорный огонь, который зажегся в его фиолетовых глазах. В следующий миг фон Ремберг дернулся к ней, но Слава оказалась проворнее. Стремительно отвернувшись от него, она побежала к двери, и быстро скрылась во мраке коридора, оставив молодого человека в трепещущих терзаниях. Кристиан сделал несколько порывистых шагов вслед за девушкой. Но усилием воли он остановил себя около приоткрытой двери, через которую мгновениями раньше выпорхнула Слава. Устало опершись горячим лбом об дверной косяк, Кристиан ощущал, как его сердце и все существо прямо требует интимной близости с этой девицей. Мало того его душа жаждала немедленно устремиться за ней и потребовать от Славы остаться с ним, чтобы он мог беспрепятственно смотреть на нее, говорить с ней и вдыхать ее неповторимый манящий аромат. Но его разум и властные мысли начали жестко подавлять его страстные порывы, повелевая немедленно прекратить все это интимное чувственное непотребство. Сжав кулак и напрягшись всем телом, фон Ремберг так и стоял опершись лбом об косяк двери и глухо твердил себе:

– Не смей это делать, Кристиан, не смей...

На следующий день Кристиан вернулся в особняк ровно к девяти утра, чтобы успеть к завтраку. Еще на рассвете он уехал из усадьбы, чтобы встретиться с Верховным, послание от которого доставили накануне. Получив очередное задание от Лионеля, фон Ремберг возвратился домой, намереваясь провести ближайшие три часа до отъезда в обществе Славы.

Воодушевленный предстоящей встречей, и вспоминая вчерашние поцелуи и ласки в библиотеке, он порывисто вошел в гранатовую столовую, ожидая увидеть Славу. Но в просторной комнате сновали только двое слуг, вытирая пыль. Быстро осведомившись, где его жена, он получил исчерпывающий ответ от слуги, что госпожа уехала еще в восемь утра кататься верхом. Эта новость огорошила Кристиана. Ведь после вчерашних поцелуев, когда между ними начали налаживаться отношения, Слава могла бы дожидаться его возвращения и предложить ему проехаться по полям вместе. Подавив неприятное чувство недовольства, Кристиан вызвал к себе Людвиг и велел ему узнать, в каком направлении уехала девушка, и когда обещала вернуться.

Сам фон Ремберг, отказавшись от завтрака, из-за пропавшего аппетита, удалился в кабинет и стал напряженно ждать возвращения камердинера. Спустя четверть часа, Людвиг постучался в дверь и Кристиан велел ему войти.

– Я поговорил с ее горничной, мессир, как вы и приказали, – тихо вымолвил Людвиг по-немецки, подходя к молодому человеку, сидящему за столом и делающему вид, что просматривает бумаги.

– Надеюсь, без излишнего драматизма? – спросил напряженно фон Ремберг, переводя взор на камердинера. И Людвиг понял, что хозяин намекает на жестокие способы выбивания сведений из нужных людей, которым был обучен Людвиг.

– Естественно, мессир. Ульяна до смерти боится меня. Оттого она даже не стала отпираться в том, что ее госпожа тайком встречается с господином Артемьевым.

– Что? – опешил Кристиан, оценив, что Людвиг прекрасно знал, что хотел бы узнать его хозяин.

– Вот записка, которую она передала мне.

Молодой человек стремительно выхватил письмо из рук Людвиг и, быстро раскрыв его, прочел содержимое. Побледнев, Кристиан ощутил, как кровь прилила к его голове. Он вмиг представил, как Артемьев склоняется над Славой, шепчет нежности на ушко, там, наедине, в березовой роще. В голове вихрем пронеслись все ее нежные добрые слова о Григории, а так же недавние заявления Людвиг о том, что Артемьев влюблен в девушку.

Фон Ремберг начал дергать узкий ворот камзола, ему не хватало воздуха. Бешенство от ее коварства завладело его существом. Боясь показаться смешным перед камердинером, Кристиан глухо велел:

– Я все понял. Ступай. Едва она вернется – доложишь.

Понятливо кивнув, Людвиг быстро вышел, оставив фон Ремберга одного.

Смотря в одну точку невидящим взором Кристиан пытался успокоиться, но ничего не получалось. В голове стучала только одна мысль. Немедленно поехать в эту самую рошу, упомянутую в записке и прямо на глазах девушки удавить Артемьева как бешеного пса, который посмел покушаться на его золотоглазую лань. То, что девушка принадлежала ему, фон Рембергу, молодой человек даже не сомневался. Ведь именно он оставил ее в живых тогда, в лесу, когда она была еще совсем девочкой. Именно он прошлой осенью спас ее из лап Федора и вывел из лесной чащи. И именно он, в эту пору оберегал ее от Верховного, который бы уже давно принес ее в жертву Темному Повелителю, если бы Кристиан не придумал предлог, чтобы продлить ее существование на этой земле. Все это давало молодому человеку основание полагать, что жизнь Славы у него руках, и именно он, в настоящее время решал, что произойдет с нею дальше.

Фон Ремберг прекрасно отдавал себе отчет в том, что пока он нуждался в этой юной чаровнице, она будет неприкосновенна, и под его защитой. Это золотоволосое прелестное сокровище принадлежало только ему одному. И все остальные мужчины не имели права не только приближаться к ней, но и даже издали любоваться его прелестной целительницей. Как раз поэтому он не позволил ей ехать на тот бал к Артемьевой без него, и собственно из-за этого теперешняя прогулка Славы привела его в бешенство.

У других мужчин были в распоряжении множество других девиц, обычных и пресных, тихих и с норовом, красивых и не очень. А Кристиану нужна была именно эта, единственная, неповторимая и чарующая Светлая. Которая совсем не боялась его, была невозможно прекрасной, чистой, искренней, загадочной и до боли желанной. В ее невероятных глазах хотелось утонуть. Ее дар успокаивал его мучения и был просто жизненно необходим ему. А ее нрав огненный, непокорный и сильный притягивал его словно магнитом. Из-за нее он был готов не колеблясь убить всякого, кто хотя бы попытался отнять у него его драгоценную нимфу, которая как-то ненавязчиво и мягко всем своим легким золотым существом уже прочно вошла в его сердце и душу.

В то утро Слава ездила верхом одна и долгое время провела в заветном месте в окрестностях одной из деревень. Там, на окраине села, стояла избушка старика-знахаря, промышляющего снадобьями и травами. Здесь, в домике знахаря, Слава исцеляла тех, кому нужна была помощь. К старику приносили или приводили больных, в основном крестьян, и знахарь посылал своего внука Ивашку с запиской к Славе, когда требовалась ее помощь. Однако, за госпожой фон Ремберг посылали в самых сложных случаях, когда старик не мог исцелить больного своими снадобьями. Слава сразу же откликалась на просьбу и едва у нее появлялось время, сразу же ехала к знахарю, предварительно посылая записку через того же Ивашку. Все свои исцеления Слава держала в тайне, чтобы никто в усадьбе не знал про ее дар. Об этом знал еще Гриша. Деревенские же люди по просьбе госпожи фон Ремберг скрывали это, и говорили об этом в особо крайних случаях, боясь выдать девушку церковникам.

Вот и сегодня рано поутру, получив записку, Слава сразу же отправилась в избушку знахаря, чтобы исцелить одну сильно простывшую крестьянку, мать семерых детей, которая кашляла кровью и находилась почти при смерти. Видя, что легкие бабы наполовину черны, девушка осталась с больной наедине и велела ей закрыть глаза. Почти два часа Слава творила в своих тонких ладошках жизненную энергию и затем вливала ее в грудину крестьянки. К концу исцеления девушка отметила, что ей удалось восстановить легкие больной почти на четверть.

Более лечить бабу было нельзя в тот день, так как от излишка энергии, полученной ее организмом, баба могла погибнуть. Девушка велела прийти крестьянке через неделю, чтобы она смогла до конца излечить ее.

Около полудня девушка вернулась в усадьбу. Она устала и собиралась часок вздремнуть перед обедом, ибо исцеления забирали часть ее энергии, правда очень небольшую. Благодаря амулету-кольцу матери и браслету, заказанному Славой уже здесь, в Петербурге, внутренняя целительная сила Славы увеличивалась во много раз, сберегая сущность девушки от энергетического истощения. Но все же девушке требовалось восстановление. Час или другой сна полностью наполняли ее существо энергией.

Поднявшись наверх по лестнице для слуг, Слава вошла в свою спальню и стянула с головы шляпку для верховой езды. Она устало плюхнулась в кресло и едва успела стянуть с ножек легкие кожаные сапожки, и надеть тряпичные туфельки, как из коридора послышались тяжелые быстрые шаги. Дверь широко распахнулась. Она невольно обернулась. Фон Ремберг, одетый в дорожный темный костюм, ботфорты, простой темный парик с косичкой и плетью в руке, стремительно вошел в ее спальню. Окинув жену быстрым взглядом, молодой человек отметил, что сегодня девушка была не в мужском, а в женском темно-синем платье для верховой езды, которое невероятно шло ей. Но это нисколько не утихомирило его клочущего настроения.

– Вы пропустили завтрак, сударыня. И я хочу знать отчего? – вымолвил он без предисловий тоном инквизитора, останавливаясь напротив Славы, сидящей в кресле. Его жесткий взор горел яростным фиолетовым пламенем на его бледном красивом лице.

– Я каталась верхом и потеряла счет времени, – ответила она тихо, вставая.

– Вы катались одна?

– Да, – кивнула она.

– Вы лжете! – порывисто выпалил фон Ремберг и, сделав к девушке две шага, выставил впереди себя плетъ. Он почти упер рукоять плетки в носик девушки, решив своим жестом запугать ее. – И лжете так нагло, что мне так и хочется все же пройти плетью по вашей спине!

– Вы опять не в духе, сударь? Отчего вы так говорите? – спокойно вымолвила она.

Оценив ее выдержку, он невольно опустил плетъ вниз, и начал нервно постукивать ею по своему бедру.

– Я спрошу еще раз. С кем вы встречались на прогулке?

– Да с чего вы решили, что я была не одна? – спросила, ничего не понимая, Слава.

– Оттого что я знаю это! – процедил он.

– Если вы все знаете, зачем вы спрашиваете меня? – спокойным голосом произнесла девушка и улыбнулась ему, пытаясь хоть немного смягчить его сердце.

Ее улыбка была воспринята Кристианом, как некая издевка над ним. Он распрямил плечи и его лицо пошло темными пятнами.

– Вы встречались с Артемьевым у старого дуба, в березовой роще, так?!

– Нет.

Они оба замолчали, словно дуэлянты, яростными взглядами испепеляя друг друга. Взор фон Ремберга был полон угрожающего темного света, а его лицо смертельно бледным. Взгляд же Славы светился непокорным холодным светом, а ее щеки горели. Она видела, что он пытается обуздать свой гнев, и пару раз для этого глубоко вздохнул.

– Значит, письмо лжет? – проклокотал он, вдруг, протянув ей лист. Узнав старое письмо Гриши, девушка напряглась и тихо спросила:

– Откуда у вас письмо?

– Отвечайте! – прогрохотал он.

Она видела, что фон Ремберг, как будто не в себе, и его неменяемое состояние отчего-то показалось Славе опасным. Ей на мгновение даже стало жалко его, и девушка решила немного успокоить его.

– Да, мы встречались с Гришей у старого дуба, но это было неделю назад. Сегодня же я каталась одна.

– Ясно, – произнес он тихо, начиная подозревать, что девушка, возможно, говорит правду. Как и ранее он не мог прочесть ни одной ее мысли, и это до крайности раздражало его. Он несколько раз выдохнул и уже спокойнее велел. – Отныне я запрещаю вам встречаться с Артемьевым.

– Запрещаете? Но по какому праву?

– Я ваш муж и имею все права на вас, своевольная девица!

– Вы просто невыносимы, сударь, – пролепетала она, отвернувшись от него и отходя к окну. – Гриша мой брат и...

– Он вам не брат! И вы прекрасно это знаете, – перебил он ее.

– Названный брат, – заметила она, обернувшись к нему. – Мы с детства с ним вместе и я не понимаю, отчего я не могу видеться с ним?

– Не можете, потому что прекрасно знаете, что Артемьев влюблен в вас!

– Господи! Да с чего вы это взяли?!

– Скажете, что это не так? – обвинительно бросил он, Слава поджала губы и отвернулась от него к окну. – Вижу, что это правда, раз вы молчите, – мрачно констатировал он факт. Кристиан не сводил с ее изящной спины напряженного горящего взора, – Оттого впредь я запрещаю вам встречаться с этим человеком! – добавил жестко фон Ремберг.

Слава тяжело вздохнула и что-то пробубнила себе под нос.

– Светослава, вы слышите меня?! – окликнул он ее уже громче.

– Оставьте меня. Я так устала от ваших приказов, – прошептала она тихо, облокотившись лбом об оконное стекло.

– Я вас предупредил...

Он вышел прочь из спальни также стремительно, как и вошел чуть ранее.

Глава VI. Задание

Гриша, сев на деревянную лавку, откинулся спиной на бревенчатую стену избы. Усталость от напряженного дня давала о себе знать. Работа по переписи двигалась очень медленно. За все дни молодой человек смог сделать едва ли третью часть работы. Миланья, жена крестьянина, у которого второй день обитал Артемьев, приехав уже в третью деревню, только унесла еду и Гриша, оставшись в своей маленькой горнице один, мечтал лишь выспаться. За окном смеркалось. Свеча тускло освещала небольшое пространство горницы. Артемьев зевнул и, встав, пошел по направлению к кровати.

Неожиданно за его спиной раздался неясный шорох. Гриша обернулся назад. Никого не было, а дверь в горницу была закрыта. Но его напряженные глаза вдруг различили в темноте около беленой печи высокую темную фигуру человека. Внезапно появившийся был одет в темный дорожный плащ, в высокие ботфорты, и черную простую треуголку без украшений. Лицо мужчины еле различалось во мраке комнаты. Невольная дрожь мгновенно завладела существом Артемьева, и он тихо прошептал:

– Господин фон Ремберг?

Кристиан сделал два шага на свет, и единственная свеча отчетливо осветила его лик.

– Я пришел объявить вам, господин Артемьев, что вы уволены, – прочеканил фон Ремберг и, сделав несколько шагов к деревянному столу, со звоном бросил на него два мешочка с деньгами. – Ваше жалование, вперед за полгода. Надеюсь, я более не увижу вас в своем доме.

Кристиан быстро окинул ненавистным взглядом молодого человека, стоявшего около кровати с удивленным лицом и направился к выходу.

– Но почему? Разве моя служба вас не устраивает? – пролепетал Гриша.

Обернувшись к нему и, испепеляя его взглядом, фон Ремберг угрожающе процедил:

– Госпожа Светослава фон Ремберг – моя жена! И если ты, мерзавец, думаешь, что у меня под носом ты сможешь увиваться за ней, то очень ошибаешься!

– Но я всегда почтительно относился к мадам Светославе! – воскликнул обиженно Гриша.

– Надеюсь впредь, ваше почтение, милостивый государь, будет выражаться вдали от моей жены. Я не советую вам приближаться к моей усадьбе даже на версту. В противном случае мне придется раздавить вас как клопа!

Фон Ремберг вышел так же беззвучно, как и вошел. А Гриша с безумно бьющимся сердцем сел на кровать и сжал до боли кисти рук.

Фон Ремберг пересек западную границу города уже засветло. Напряженный и клянувший себя за свой несдержанный порыв, который толкнул его выяснять отношения с Артемьевым, Кристиан, загоняя жеребца, стремительно направил коня в сторону нужного дома по едва озаренным рассветом улицам. Он потерял почти четыре часа. Ему пришлось делать большой крюк, дабы заехать в ту злосчастную деревню, где обитал Артемьев. Но тогда, после разговора со Славой, молодым человеком завладело такое бешеное недовольство, что он просто не мог более оставлять отношения между девушкой и Григорием на самотек. Он должен был до конца разрубить эту порочную связь между молодыми людьми, мысли о которой постоянно терзали существо Кристиана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.